БИБЛИОТЕКА

№ 9 1987

ISSN 0132-2095

Александр ***ЧУДАКОВ***

ЧЕХОВ В ТАГАНРОГЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Александр ЧУДАКОВ

ЧЕХОВ В ТАГАНРОГЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Александр ЧУДАКОВ

Александр Павлович Чудаков родился в 1938 году. Окончил филологический факультет Московского университета. Член Союза писателей СССР, доктор филологических наук. Основные работы — в области поэтики, истории русской литературы (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Куприн) и отечественной филологической науки (А. Потебня, Ю. Тынянов, В. Виноградов и др.).

Первую статью о Чехове опубликовал в 1959 г. В 1971 г. вышла его книга «Поэтика Чехова» (английский перевод — 1983 г.), в 1986 г. — книга «Мир Чехова. Возникновение и утверждение».

I. ДВА ЛИКА ГОРОДА ТАГАНРОГА

Герб Таганрога представляет щит, разрезанный на четыре части; из них в первой в серебряном поле, разрезанном двумя голубыми полосами, означаются реки: Дон и Волга; во второй в пурпуровом поле вензелевое имя Государя Императора Петра Великого, основателя города, и год основания Таганрога 1698; в третьем в серебряном поле два золотые якоря, положенные крестообразно и на них кадуцей, или Меркурьев жезл — атрибуты мореплавания и торговли; в четвертом в голубом поле рыба осетр; в середине в золотом маленьком щите красный крест.

(Полное собрание законов Российской империи, т. XXX, № 22964, Указ 1808, апреля 15).

1

Город, в котором родился Чехов, был как будто обычным заштатным городом Российской империи. Правда, в нем прожил свои последние дни Александр I и Таганрог некоторое время был как бы столицей государства. Жители это помнили хорошо. Каждый год 19 ноября гимназистов собирали на панихиду в местном соборе. В этом же соборе восьмилетний Антон Чехов был на отпевании Н. В. Кукольника, автора знаменитой в свое время драмы «Рука всевышнего отечество спасла». С покойным был знаком отец Чехова. Правда, таганрожцы знали Кукольника больше в связи с его хлопотами о местной железной дороге. Но зато любили вспоминать, что недалеко от Таганрога родился и окончил в нем гимназию известный поэт Н. Ф. Щербина, бабка которого была чистокровная гречанка, приехавшая из Мореи еще в царствование Екатерины II. Повторяли его стихи: «Хоть эллин я из Таганрога...»

Общий уклад был как везде: с лавками, трактирами, ежегодной шумной ярмаркой, смотром гарнизона в табельные дни, пустырями, заросшими бурьяном, и купающимися в пыли воробьями, масляными фонарями и местным дурачком на бойком перекрестке.

Знаменита была таганрогская грязь. «Весь город,— писал современник,— представлял отчаянное зрелище какого-то болота с глубокими рытвинами, колеями по ступицу и кочками, о которые экипажи переворачивались на главной улице». Самая большая лужа, именуемая часто озером, была против дома Скараманга на Большой улице. Местный фельетонист предлагал «завести на общественный счет гондолы». Конечно, это было уже не то, что лет за двадцать перед тем, когда на переходе через улицу можно было нанять за несколько копеек человека, который переносил нанявшего на спине на другую сторону. Госпожа Мишо, урожденная де Росси, дававшая уроки французского языка, одним из главных пунктов своего объявления ставила тот, что ученики «в ненастные погоды будут отвозимы и привозимы домой».

В «Календаре «Будильника» на 1882 г. его заведующий Г. Балдастов (А. П. Чехов) поместил в апреле такое пророчество: «3, суббота. Азовское море потонет в таганрогской грязи».

«Мостовой вопрос» по безнадежности мог соперничать только с «водопроводным» (был, правда, еще и «собачий»). Со времени введения в Таганроге городового положения в 1873 г. вопрос о водопроводе неизменно всплывал при каждом новом составе городского управления. Проекты водоснабжения города составили целую «водопроводную» литературу. Чехов всегда живо интересовался, как двигается это дело. Уже в 1903 г. он укоряет — в своей обычной мягкой манере — за медлительность тогдашнего городского голову доктора П. Ф. Иорданова: «Читаю обе Ваши газеты и никак не пойму, будут ли в Таганроге водопровод и канализация или нет». Водопровод появился только после революции.

Санитарные комиссии, осматривавшие постоялые дворы, харчевни, мясные и рыбные лавки, постоянно замечали, что «у многих из содержателей означенных заведений найдены в высшей степени содержимые неопрятно дворы, ретирадные места, помойные ямы и даже мясные и рыбные лавки и столы». Виновные привлекались к ответственности на основании 102 и 116 статей устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Это не помогало; как писала местная газета, «дохлые собаки по-прежнему валяются на улицах». Но и живые собаки причиняли много хлопот — «дерзость их дошла до того, что они кусают икры даже у самых гг. гласных». Собаки разгуливали по городу стаями; греков, видавших знаменитых на весь мир константинопольских бродячих псов, это не удивляло.

2

Из «Городской хроники» и «Дневника происшествий по Таганрогскому градоначальству» за 1876—1877 гг. (По «Ведомостям Таганрогского градоначальства» и «Азовскому вестнику».)

* *
*

В ночь 5 числа января из магазина купца Ильи Майкапара, состоящего на Петровской улице, неизвестными злоумышленниками через взлом стены из погреба в магазин произведена кража разных бриллиантовых, золотых и серебряных вещей на сумму 19578 р. 10 к.

* *
*

12 числа февраля в доме купца Петрококина на Петровской улице задержан таганрогский мещанин Владимир Богданов, который, взломав замки у дверей конюшни и у сундука, принадлежащего кучеру Кузьме Микушке, похитил 9 р. 35 к.

* *
*

В ночь 13 числа к дому титулярного советника Попова подброшен младенец женска. пола. Ребенок впредь до розыска родителей передан на воспитание в больницу Богоугодных заведений.

* *
*

В ночь 26 февраля жена унтер-офицера Матрена Федорова в квартире своей умерла вследствие угара.

* *
*

5 числа апреля задержан человек, назвавшийся Егором Корнеевым, а затем Иваном Лисицыным. По дознанию обнаружено, что он не Корнеев и не Лисицын, а крестьянин с. Городища, Славяносербского уезда Петр Коротов, сосланный на Сахалин и оттуда бежавший.

* *
*

В ночь на 14 число вследствие сильного ветра разбиты у Воронцовской пристани баржа с грузом, принадлежащая Волго-Донскому обществу, две каботажные лодки и пять барказов.

* *
*

Общее состояние здоровья городского стада в течение мая было удовлетворительно. Случаи спорадических болезней были следующие: два на коровах гастрической лихорадки, три раздутия брюха и два случая паралитическо-ревматического поражения крестца. Вскрытие павшей лошади крестьянина Антона Якуша объяснило, что она пала от апоплексического удара вследствие сильного сжатия подпругами грудных и брюшных мускулов.

* *
*

Г-н Н. колотил **с отдыхом** свою жену за то, что она набрала в табачной лавке в течение полутора месяцев на десять рублей папирос.

* *
*

В коммерческом собрании 11 марта состоялась интересная партия в сибирский вист. Один из играющих объявил бескозырную игру и получил Гран-Шлем, т. е. ни одной взятки, и, играя по 1/5 коп., этому игроку пришлось заплатить 9 р. штрафу.

* *
*

Ежедневные дожди и образовавшиеся вследствие таковых лужи препятствовали приступать к санитарному осмотру дворов.

* *
*

Таганрогский купец Леонид Рихтер заявил, что 8 числа у него произведена кража 8 бочонков паюсной икры.

* *
*

14 числа мещанка Любовь Степанова во время драки в питейном заведении с солдаткою Варварой Моисеенковой, откусила у последней правое ухо.

* *
*

Вечером 23 числа внутри табачного магазина купца Егора Модзавина произошел пожар, от которого сгорели и частью попорчены огнем и дымом спички, бумага, табак и мебель; всего причинено убытку на 8200 руб.

Но существовал и другой лик города Таганрога.

3

Это был южный, приморский город. Длинная Полицейская улица, на которой родился Чехов, одним концом упиравшаяся в грязную площадь, другим выходила на высокий обрывистый берег моря. Из второго этажа дома Моисеева, где Чеховы жили в первые гимназические годы Антона, был виден рейд. В разгар летней навигации пароходам и парусникам было тесно в гавани; можно было пройти по берегу версты четыре и не встретить ни одного русского судна, читая на бортах: «Сан Антонио», «Софья», «Огиос Герасимос», «Мевлуди Багры». В 1864 г. в Таганрогский порт прибыло кораблей английских — 164, бельгийских — 2, греческих — 245, итальянских — 166, ионических — 28, мекленбургских — 22, норвежских — 12, турецких — 25, французских — 55, прочих — 88, всего — 807.

В Таганрогском порту имели представительство консулы или вице-консулы великобританский, итальянский, турецкий, греческий, австрийский, бельгийский, нидерландский, испанский и пармский, португальский, шведский и норвежский, французский.

Господа негоцианты и прочие заинтересованные лица постоянно извещались Международным Телеграфным агентством о ценах на фрахты: до Константинополя столько-то пиастров за фунт, на Ионические острова — столько-то лепт, до Триеста... до Мессины... до Ливорно... Сообщалось об изменениях платы за корреспонденцию, пересылаемую между Таганрогом и Марселем, Россией и Алжиром, Таганрогом и Лондоном. Объявлялось: «Нахимов» отходит в Бомбей сегодня»; «Чихачев» отбывает в Ханькоу завтра».

Было время, когда таганрогский импорт превышал одесский. (К Одессе таганрожцы всегда относились очень ревниво.) Ко времени Чехова девятый вал эпохи расцвета уже миновал, но он застал еще высокую торговую волну.

Ввозили: кофе, табак, цветочный кантонский чай, перец, коринку, бекмес, маслины, мидий, винные ягоды, рожки турецкие, изюм, деревянное масло, апельсины, лимоны.

С корабля, прибывшего из Мессины с грузом апельсинов, некогда сошел в Таганрогском порту молодой Джузеппе Гарибальди.

Привозили вина: сантуринское, мальвазию, висант. Приазовье и вся Средняя Азия снабжались колониальными товарами через Таганрог.

Вывозили: зерно, льняное семя, сурепу, икру паюсную и судачью, сало скотское, масло коровье, шерсть овечью. Самый большой объем торговых оборотов падал на пшеницу, рожь, ячмень. Получалось не очень выгодно, и отечественными негоциантами была сделана попытка изменить ситуацию: вместо дешевого сырья — зерна — экспортировать более дорогой продукт — муку. Между кладбищем и Карантином построили «компанейскую» паровую мельницу. Братья Чеховы излазили ее

вдоль и поперек — от подвала котельной с полуголыми кочегарами до верха, куда зерно по желобам подавалось винтовыми двигателями и механически распределялось между жерновами и откуда мука шла по трубам вниз. Современное механическое предприятие производило грандиозное впечатление. Но экономическую ситуацию оно почему-то не изменило, продолжали вывозить зерно, мельница захирела.

В больших размерах производился лов рыбы, через город проходили гурты скота. Дешевизна продовольствия даже по сравнению с Харьковом была невероятная — это нужно помнить, пытаясь представить картину жизни Чехова-гимназиста в Таганроге после отъезда семьи. Когда до середины зимы не было сильных морозов, то подледный лов рыбы падал и цена на нее подымалась; небывалая для Таганрога дороговизна была в 1872 г.: цена знаменитых азовских лещей — «с лопату» — доходила до полтинника за десяток; фунт красной рыбы стоил 20 коп., за эту же цену можно было купить 4 фунта телятины или 4 ноги и морду с ушами. Даже через несколько лет было то же самое. Попав в 1882 г. в Таганрог, наголодавшийся в Москве Александр Чехов писал братьям: «Провизия дешева <...> С южным обедом вы достаточно знакомы, но тем не менее я едва ли удержусь сытым нутром от перечисления наших блюд. Мы ели: 1) суп с рисом; 2) судак, или сула жареная плюс те бычки и селедки, которые были изловлены вчера; 3) раки морские <...>; 4) кукуруза; 5) говядина с картофелем; 6) превкусный некий соус из кабачков с раковыми шейками. Этот соус наверно был бы назван в Москве чем-нибудь страшным вроде: sauce julien de trebucha des racks et des kabaks. И вся эта шестистопная музыка была изготовлена Полиной Ив/ановной/ из той провизии, которую я купил на базаре за 60 к. Остатков от обеда хватило бы на целый тюремный замок г. Таганрога».

Таганрог ощущал себя городом морским. В 1874 г. в связи с получением известий о претензии Ростова на статус губернского города, «Азовский вестник» (24 марта) выразил протест, ибо: центр будущей губернии, конечно, есть Таганрог, Ростов же находится в углу; народонаселения в Таганроге нисколько не менее, а в навигацию, с приходом иностранных судов, оно увеличивается почти на двенадцать тысяч; все иностранные консулы ни под каким видом не покинут Таганрог; капитаны кораблей, оставляя суда на рейде с частью экипажа, не могут удаляться от них.

В статистических сведениях о жителях города по сословиям была графа: вольные матросы.

Открытый в 1874 г. Таганрогский мореходный класс давал выпускникам дипломы штурманов малого плавания. (На основании приказа Морского министерства малым считалось плавание по морям Черному и Мраморному не далее Дарданелл.)

Крупная портовая торговля накладывала отпечаток на всю жизнь и представления жителей города. Обычные приказчики чувствовали себя приказчичьей аристократией. Когда в 1875 г. Таганрогскую гимназию

осматривал министр просвещения Д. А. Толстой и задал в VII классе тему «Значение Азовского моря в политическом и торговом отношениях», гимназисты справились с нею хорошо. Но выпуск 1879 г., чеховский, писал сочинение на тему, казалось бы, удаленную от «торговых отношений»: «Нет зла более, чем безначалие». Однако в отчете попечителя Харьковского учебного округа говорилось, что в сочинениях выпускников «часто встречается мысль, что при безначалии прекращается и сильно страдает торговля». Чехов, хотя и получил за сочинение «4», справился с ним, по словам соученика, «еле-еле».

4

Город жил не только торговлей, но и огромных размеров контрабандой, существовавшей почти официально. Таганрогский негоциант Вальяно (его имя не раз упомянет Чехов) ввозил контрабандные товары не в чемоданах с двойным дном, но целыми пароходами. Для их разгрузки у него была зафрахтована целая флотилия турецких фелюг. К моменту судебного процесса над Вальяно, прогремевшего на всю Россию, его капитал превышал двенадцать миллионов. Своему адвокату — петербургскому присяжному поверенному Пассоверу негоциант заплатил сказочный гонорар — миллион. Иван Варваци в Греции был корсаром. Одно ухо у него отрезали в турецком плену. В Таганроге он построил греческую церковь, которая обошлась в 600 тыс. рублей. В Афинах строилась библиотека на деньги и имени Вальяно.

Греков было много. «Таганрог — это греческое царство,— писал в 1877 г. В. А. Слепцов.— Немножко похож на Киев, только здесь... греки. Все греки: разносчики, попы, гимназисты, мастеровые — греки. Даже вывески греческие».

Львиная доля торгового оборота была в руках греческих негоциантов. В правлениях коммерческих банков значились Д. Петрококино, Е. Сканави, И. Маврогордато.

Богатые греки строили роскошные особняки. Особенно поражал своим тяжелым великолепием дворец Алфераки: золоченая лепка, громадный двухсветный зал с хорами для музыкантов, огромные люстры, одна из гостиных расписана итальянским художником. (Чехов бывал в этом доме в последнем классе гимназии, когда тот стал уже клубом таганрогского купечества.) Может быть, поэтому отец Чехова решил дать двум сыновьям, Николаю и Антону, греческое образование, и они

один учебный год провели в греческой «Приходской при Цареконстантиновской церкви школе» Николаоса Вутсинса.

Греки были и среди служащих гражданского ведомства. В коммерческом суде — присяжный поверенный И. М. Никифораки, председатель Таганрогского коммерческого суда и один из директоров Попечительного о тюрьмах комитета — надворный советник И. Д. Алфераки, член Временной комиссии по устройству Таганрогского порта — Д. Л. Ласкараки, смотритель Высочайшего дворца — артиллерии подполковник Е. Э. Никифораки, ратман городской полиции — Д. К. Сафьянопуло (такую же должность одно время занимал отец Чехова). Пожарными делами заправлял Д. Миотти. Правда, он был скорее итальянец. В местных газетах печатались воззвания о сборе денег на построение памятника солдатам греческого легиона, павшим при защите Севастополя. С рассказами, стихами, корреспонденциями, очерками выступал Ф. Дмитрокопуло.

Греческие кофейни заполнялись шкиперами, комиссионерами, маклерами. В греческой гостинице на Петровской улице играли в карты на кофе: проигравший сообщал хозяину, кому он оплачивает кофе, и выигравший ходил его пить — иногда несколько месяцев. Кота в павильоне городского сада звали Фемистокл.

Местные обыватели считали, что греки оплетают доверчивых русских. Говорили, впрочем, беззлобно; город был интернациональный, православных церквей в нем было шесть, римско-католическая — одна, протестантская — одна, синагога — одна.

На улицах звучала разноязыкая речь. В ясные дни тротуары ближних к порту улиц были запружены толпой — мелькали греки, турки, французы, англичане. Когда Чеховы жили в доме Третьякова, над лавкой Павла Егоровича располагалось казино мсье Трилля. Рядом была гостиница «Лондон», по вечерам там играл дамский оркестр, туда приходили моряки. Ходили слухи о похищении девушек для турецких гаремов.

«Азовский вестник» помещал лирические стихи с эпиграфами из Пушкина: «Младую гречанку он страстно любил». Восточная тематика вообще была в моде: «На небе лазурном сияет луна, В воде серебристо играя... В гареме султанша стоит у окна, Кого-то в тиши поджидая».

Необычным для русской провинции был таганрогский театр. Несколько сезонов в городе гастролировала итальянская опера. На таганрогской сцене пели известные тогда Зангери, Белати, Понти, Фабрини, Кампанини, Кантони. Встречали и провожали их в порту кавалькадами, с музыкой, с факелами. Миллионер Алфераки содержал на свой счет итальянский оркестр, игравший все лето в городском саду (вход туда в гимназические годы Чехова был бесплатный). Заезжие труппы оставляли в городе музыкантов со звучными именами: Николо Офичиозо Сарти, Бертини, Луппи, Гаэтано Молла. Молла был самый популярный — он давал уроки пения.

Гастролировали скрипач и дирижер Варшавской консерватории Аполлинарий Контский, знаменитая пианистка, ученица Листа, Лаура Карер, приезжал Сарасате. Был Ольридж. В «Отелло» играл Сальвини.

Ставились оперетты Зуппе, Легара, Лекока, Оффенбаха.

Может быть, благодаря второму лику Таганрога острее ощущалась «лень и скука» первого?

«Там все Европой дышит, веет»,— писал о другом русском приморском городе — Одессе — Пушкин.

В Таганроге, как говорил сам Чехов, лишь «пахло Европой». Пройдет время, Чехов узнает жизнь столиц, увидит Рим, Париж, Коломбо, трезво оценит Европу, но непреодолимое чувство — тяга к «другому миру» — в пространстве ли (в Алжир, на Север), во времени ли (через 200—300 лет) останется, и не раз он выскажет его сам и выскажут его герои.

Этого «краешка» Европы было достаточно, чтобы ощутить, как «грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен» заштатный российский город, и навсегда получить никогда не проходящее отвращение к этой лени и грязи. Врачебное образование еще более в том его укрепит. И молодой Чехов уже будет удивлять современников — откуда у юноши из провинции такой врожденный вкус к изяществу и европейским формам жизни.

5

Уже в гимназические годы Чехова из таганрогских газет постепенно стали исчезать списки иностранных кораблей, цены на фрахты и курсы лондонской биржи. Все чаще появлялись сообщения совсем другого свойства: «Ничего замечательного на нашем рынке не произошло. Совершенная бездеятельность и заказов на весну никаких». Банки и банковые конторы начали чахнуть. Хлебная торговля падала, негоцианты разорялись, крахи фирм стали обыденным явлением.

Правда, все постоянно на что-то надеялись: что углубят гавань и океанские суда будут не маячить где-то на рейде, а подходить к молу, что торговые пути отвернут от Ростова-на-Дону и снова пролягут через Таганрог — что все когда-то изменится. Ощущение краха, неустойчивости и каких-то неясных надежд — та атмосфера, которая окружала Чехова в последние годы в родном городе.

Но это уже был конец 1870-х, а в 1840-е — 50-е годы все было иначе. Таганрог был признанным центром Приазовья, с ним не могли соперничать ни Бердянск, ни Мариуполь, ни даже Ростов.

Именно в этом торговом центре скрестились пути будущих родителей Чехова.

Дед Чехова по матери Яков Герасимович Морозов жил в Моршанске, недалеко от Тамбова. У него было крупное суконное торговое дело,

по надобностям которого он много ездил — в Нижний Новгород, Казань, Новочеркасск, Харьков. В поездках по югу Таганрога было не миновать; он подолгу живал там в доме генерала Папкова. Случилось так, что в одну из поездок за крупной партией товара в Новочеркасск Морозов заразился холерой и умер там. Его жена, забрав троих детей, поехала на лошадях через пол-России отыскивать могилу мужа и его сукна. Это не удалось, и она поехала дальше, в Таганрог, там у нее было некоторое пристанище — дом генерала Папкова, комиссионером которого был ее покойный муж. Тут она и осталась, тут выросла и ее младшая дочь Евочка, Евгения Яковлевна, мать Чехова.

Пути коммерции — вернее, надежды на успех в процветающем порту — привели в Таганрог и отца Чехова.

Дед, Егор Михайлович Чехов, был крепостным помещика Черткова (у его внука, друга Л. Толстого и руководителя «Посредника» В. Г. Черткова, будет издаваться Чехов). Но еще в 1841 г. он выкупил на волю всю свою семью (дочь Александру, на которую не хватило денег, получил в придачу) и переселился из Воронежской губернии в Область Войска Донского, где служил управляющим в имениях графа М. М. Платова, сына героя Отечественной войны 1812 г.

Своего сына Павла Егоровича Чехова (отца писателя) Егор Михайлович определил к таганрогскому купцу Ивану Евстратьевичу Кобылину (во времена чеховского детства он был членом Таганрогского отделения коммерческого совета и Приказа общественного призрения), где в его колониальном магазине тот прошел все ступени необходимой торговой иерархии — «мальчика» (несмотря на то, что при поступлении в магазин ему было почти девятнадцать лет), приказчика, конторщика. Возможно, что не сразу было решено, чем он будет заниматься — какое-то время он работал с прасолами — гонял скот в Харьков и Москву. Эта работа была тяжела и позже, когда скот уже возили по железной дороге (Чехов опишет это в рассказе «Холодная кровь»); тогда же это был изнурительный труд с бессонными ночами в непогоду в голой степи. П. Е. Чехов мечтал открыть собственную торговлю. Но сделать это удалось не скоро. Только в 1857 г. он был уволен из мещанского сословия и в следующем году «перечислен в купеческое звание», став «таганрогским 3-й гильдии купцом».

Другой сын Е. М. Чехова, Митрофан Егорович, тоже перебрался в Таганрог и открыл там лавку — еще раньше брата. В его доме познакомились родители Чехова.

II. В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

1

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге в доме на Полицейской улице (ныне Чеховская ул., д. 47). Младенец был крещен в Соборной Успенской церкви, по каковому случаю в метрической книге была сде-

лана запись: «Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря семнадцатого дня рожден, а двадцать седьмого крещен Антоний. Родители его, таганрогский 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного вероисповедания. Восприемники были: Таганрогский купеческий брат Спиридон Федор Титов и таганрогского 3-й гильдии купца Дмитрия Кирикова Сафьянопуло жена Елизавета Ефимовна. Таинство крещения совершал священник собора Михаил Орловский с диаконом Моисеем Егоровым и дьячком Федором Григорьевичем, что утверждается подписом и приложением печати». Впрочем, может быть, он родился не в самый день св. Антона, а накануне, т. е. 16 января, и нарекли его, как часто бывало, в честь святого следующего дня. Во всяком случае, в двух своих поздних письмах — от 16 января 1898 г. и 16 января 1899 г.— Чехов днем рождения называет этот день.

Это был маленький домик из земляного кирпича (кое-где на Юге и в Средней Азии его называют «саман»), беленый снаружи и внутри. Он сохранился. В нем три комнатки (общая площадь — 23 квадратных метра). Увидев снова его уже взрослым, Чехов писал: «Дивлюсь, как это мы могли жить в нем?!» Удивляться было чему: ко времени рождения Антона в нем, кроме родителей, жили старшие дети: Александр (1855 г. рожд.) и Николай (1858 г. рожд.). В 1861 г., уже на другой квартире, родился четвертый сын — Иван, а в 1863 г.— дочь Мария (позже родилась еще одна дочь, умершая во младенчестве). В 1865 г. родился младший сын — Михаил. Это произошло уже в квартире на Петровской улице, где и прошло раннее детство Чехова. Когда ему было девять лет, переехали в дом Моисеева на углу Монастырской улицы и Ярмарочного переулка. В нижнем этаже помещалась лавка П. Е. Чехова. Последним жильем семьи в Таганроге, из которого уже через год один за другим стали уезжать в Москву все члены семьи, был собственный дом на Конторской (Елисаветинской) улице, построенный в 1874 г. П. Е. Чеховым на земле, купленной еще его отцом.

Сведения о раннем детстве Чехова восходят в основном к двум источникам — воспоминаниям Александра Павловича, самого старшего из детей Чеховых, и Михаила Павловича — самого младшего. В рисуемых картинах жизни семьи эти источники сильно разнятся, а в некоторых существенных деталях прямо противоположны.

Ал. П. Чехов особо подчеркивает деспотизм отца, его суровость по отношению к детям, говорит о телесных наказаниях, тяжелой работе Антона в лавке и резюмирует: «Ребенком он был несчастный человек». Этот взгляд на отца разделял и Николай Павлович Чехов. Как пишет в неопубликованных воспоминаниях А. С. Лазарев-Грузинский, этот кроткий и милый человек «весь вспыхивал и загорался гневом, когда ему случалось касаться самодурства отца». Н. П. Чехов говорил: «Наш отец с нами жестоко расправлялся. Розгами драл всех, и Александра,

и Антона, и меня — нещадно!» Слова Н. Чехова приведены в воспоминаниях Н. М. Ежова. Эти воспоминания не раз подвергались справедливой критике, а самой основательной — в известных мемуарах А. С. Лазарева-Грузинского, хорошо знавшего Н. М. Ежова и его взаимоотношения с Чеховым (сохранилась обширная переписка А. Лазарева и Н. Ежова 1884—1890-х гг.). Решительно опровергая некоторые утверждения Н. Ежова, А. Лазарев, однако, замечает, что все, о чем рассказывал Ежову Н. П. Чехов, «фактически верно и точно».

Младшие члены семьи (к М. П. Чехову позже присоединилась М. П. Чехова) находили, что Ал. П. Чехов слишком сгустил краски и нарисовал чересчур мрачную атмосферу.

Опровергался Александр Чехов младшим поколением весьма энергично: М. П. Чехов в мемуарах, повторяя свои более ранние высказывания, писал, что старший брат «страдал запоем и сильно и подолгу пил. В такие периоды он очень много писал, и то, что выходило у него во время болезни из-под пера, если попадало в печать, заставляло его потом сильно страдать. Так, его воспоминания о детстве Антона Чехова, о греческой школе и многое другое написаны под влиянием болезни, и в них очень мало достоверного». Этот же странный аргумент повторяет и М. П. Чехова — впервые вскоре после смерти Ал. П. Чехова, в 1916 г., в письме к К. С. Павлову, собиравшемуся писать биографию Чехова: «Я прошу вас принять во внимание, что наш старший брат Александр временами страдал алкоголизмом, и все воспоминания были написаны им во время этой болезни. Это был прекрасный человек, с большими талантами, но то, что им написано во время болезни, должно подлежать строгой критике и иногда даже полному отрицанию». То же говорит она и в книге своих мемуаров, изданных в 1960 г. (эти рассказанные на 91-м году жизни «по заранее выработанному плану» воспоминания вообще малосамостоятельны и варьируют написанное М. П. Чеховым): «Литературоведы, пишущие о деспотической натуре Павла Егоровича, обычно ссылаются на письма и воспоминания моего старшего брата, Александра Павловича. Но нужно учитывать, что старший брат, при всех его способностях и талантливости, был больным человеком и во время вспышек болезни (запоя) много фантазировал».

Но Ал. П. Чехов выступал со своими воспоминаниями на протяжении ряда лет (1907—1912, всего семь публикаций), нередко на одну тему дважды и трижды, и было время поправить; трудно представить к тому же, чтобы «все воспоминания» были написаны именно в запойное время.

Распространению точки зрения младших способствовало то обстоятельство, что в переиздававшихся при жизни М. П. Чеховой воспоминаниях Ал. П. Чехова делались существенные купюры[1]; в редактиру-

[1] В изд. сборника «Чехов в воспоминаниях современников» (М., 1947; М., 1954) была выпущена фраза: «И едва ли кто поверит, что этот строгий и безусловно честный писатель-идеалист был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всякого торгового плутовства. Покойный Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю жизнь» (восстановлено в изд. 1960 г.).

емых или издаваемых под ее наблюдением письмах Чехова в ряде случаев были выброшены фразы, где писатель особенно резко и прямо характеризовал семейную обстановку своего детства. Так, только в последнем (академическом) издании были восстановлены (в 1977 г.) слова Чехова из письма старшему брату: «Детство отравлено у нас ужасами» (4 апреля 1893 г.).

Не входя здесь подробно в причины такой позиции младших (укажем только, что когда окончился таганрогский период жизни чеховской семьи, Мария и Михаил были еще малы, а в годы «Чехова-лавочника» и «Чехова-певчего» вообще были младенцами), отметим, что картины, рисуемые ими, выглядят неправдоподобно идиллическими: «Мальчики шли в гимназию, возвращались домой, учили уроки; как только выпадал свободный час, каждый из них занимался тем, к чему имел способность: старший, Александр, устраивал электрические батареи, Николай рисовал, Иван переплетал книги, а будущий писатель сочинял...» То же у М. П. Чеховой: «Игры, шутки, шалости, смех всегда царили в нашем доме».

Картинки эти напоминают скорее жизнь семьи какого-нибудь педагога-фребелевца, более всего озабоченного свободным и всесторонним развитием способностей детей, чем быт дома купца старого закала, считавшего, что прежде всего дело, лавка, затем церковь, а гимназия и тем более посторонние занятия подождут. «К писаниям Антона и моему рисованию,— вспоминал Н. Чехов,— он относился с досадой и глумлением. Особенно преследовали меня. Отец выгнал меня на кухню, сказав: «Там малюй, а в комнатах красками не смей вонять!» И все время меня именовали маляром, мазилкой, пачкуном». Это нисколько не противоречило тому, что сам Павел Егорович в молодые годы писал иконы — то было другое, богоугодное занятие. Детей Павел Егорович не «журил», как мягко замечает М. П. Чехов, а жестоко сек — за плохую отметку, за шалость, за забывчивость, сек дома или прямо в лавке — тогда для этих целей употреблялась «сахарная» веревка (которой обвязывался сахар). Этого «никогда не мог простить отцу», по собственным его словам, будущий писатель. «Разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная». Так напишет Чехов уже зрелым человеком. При всей огромной ценности мемуаров М. П. Чехова в них ощутим некоторый жанрово-стилистический налет — традиционного биографического павленковского повествования серии «Жизнь замечательных людей».

2

Дни в родительском доме — в изображении старшего из детей чеховской семьи — проходили совсем иначе.

«Антоша — ученик 1-го класса таганрогской гимназии — недавно по-

обедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню <...> Отворяется дверь, и в комнату входит отец Антоши <...>

— Тово...— говорит Павел Егорович,— я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке... Ступай, да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает Кюнера, напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку <...> В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придется просидеть по крайней мере часа три <...> О латинском переводе нечего и думать. Завтра — единица, а потом — строгий нагоняй от отца за дурную отметку».

Неудивительно, что в младших классах Антон учился плохо и дважды — в III и V классах оставался на второй год: Справедливо заметил первый биограф писателя Ф. Мускатблит: «Когда Павел Егорович <...> перебрался с семьей в Москву, сын, перешедший к тому времени в VI класс <...> вздохнул свободно и «вдруг» обнаружил такое прилежание, что помимо обычных успехов по любимым предметам (закон божий, русский язык, история) стал получать пятерки даже по бесконечно ненавистному ему греческому языку».

В лавке приходилось сидеть и летом — вместо купанья и ловли бычков на пристани. На море ходили, но каждый такой поход отвоевывался. Запретов вообще было много: не бегать, не шуметь, не водиться с товарищами. Почему? Потому, что в свое время это запрещалось самому Павлу Егоровичу,— и не повредило, не помешало выйти в люди... Он не был злым человеком, но был человеком твердым. Усвоенного однажды не пересматривал. Лавка должна открываться в пять утра. Нет покупателей — не беда. Детям тяжело так рано вставать — ничего, встанут. В лавке нужен хозяйский глаз: на «мальчиков», Андрюшку и Гаврюшку, полагаться нельзя. Когда в лавке нет дела, «мальчики» должны не сидеть, а стоять в дверях лавки. Неважно, что теперь не принято зазывать покупателей — место «мальчика» в это время там. Так было, когда Павел Егорович служил у купца Кобылина, так было, когда сам Кобылин служил в «мальчиках», так будет и впредь.

...Но и вечером, после лавки, отдохнуть или заняться своим делом детям удавалось не всегда. Два-три раза в неделю были спевки церковного хора, который организовал Павел Егорович. В этом хоре старшие братья исполняли партии дискантов, Антон — альта. Спевки затягивались до полуночи. Службы были в греческом монастыре, в домовой церкви «Дворца» (дома, где последние дни своей жизни провел Александр I), потом во вновь отстроенной Митрофаниевской церкви (в этой церкви Антону не раз приходилось записывать богомолкам на бумажки

имена для поминовения «о здравии» и «за упокой» — эти впечатления отразились в рассказе «Канитель», 1885). Павел Егорович во всем, что относилось к церковным службам, «был аккуратен, строг и требователен. Если приходилось в большой праздник петь утреню, он будил детей в два и в три часа ночи и, невзирая ни на какую погоду, вел их в церковь <...> Ранние обедни пелись аккуратно и без пропусков; невзирая ни на мороз, ни на дождь, ни на слякоть и глубокую, вязкую грязь немощеных таганрогских улиц. А как тяжело было вставать по утрам для того, чтобы не опоздать к началу службы!.. По возвращении от обедни домой пили чай. Затем Павел Егорович собирал всю семью перед киотом с иконами и начинал читать акафист <...> К концу этой домашней молитвы уже начинали звонить в церквах к поздней обедне». Один из сыновей-гимназистов — по очереди или по назначению отца — отправлялся вместе с «молодцами» в качестве «хозяйского глаза» отпирать лавку и начинать торговлю, а прочие дети должны были идти вместе с Павлом Егоровичем к поздней обедне. Воскресные и праздничные дни для них были такими же трудовыми днями, как и будни. Вечером, после всенощной, дома надо было на сон грядущий читать еще «правила».

Идеалом Павла Егоровича был афонский устав; детям все это было тяжело. «Когда бывало,— писал Чехов в 1893 г.,— я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками». Один бывший таганрогский регент, профессионально знавший обстановку спевок и служб, считал, что в том их виде они очень пагубно повлияли на здоровье (в частности на легкие) мальчика Чехова («Таганрогский вестник», 1912, 5 июля).

Особенно тяжелы были долгие великопостные службы. Значительно веселее шла пасхальная служба — она была короче и жизнерадостней.

«О сосредоточенной молитве не может быть и речи. Молитв вовсе нет, а есть какая-то сплошная детски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться в каком-нибудь движении, хотя бы в беспардонном шатании и толкотне. Та же необычайная подвижность бросается в глаза и в самом пасхальном служении <...> Чтений не полагается никаких; пение, суетливое и веселое, не прерывается до самого конца...» («Святою ночью», 1886).

Глубокое знание церковных служб и текстов видно в рассказах «Кошмар», «Панихида» (1886), «На страстной неделе», «Перекати-поле» (1887), «Студент» (1894), «Убийство» (1895), одном из последних и самых поэтичных рассказов — «Архиерее» (1902), знание текстов и самой структуры кондаков и икосов — в рассказе «Святою ночью»: « — Первый кондак везде начинается с «возбранный» или «избранный»... Первый икос завсегда надо начинать с ангела. В акафисте к Иисусу Сладчайше-

му, ежели интересуетесь, он начинается так: «Ангелов творче и господи сил», в акафисте к пресвятой богородице: «Ангел предстатель с небесе послан бысть...» Везде с ангела начинается».

3

Опираясь в представлениях о картинах детства Чехова на воспоминания Александра Павловича, мы, однако, и здесь не можем обойтись без критики текста. Дело не в фактических неточностях. Старший брат вряд ли измышлял сами факты из жизни младшего и своей: и лавочная «каторга» и «каторга» спевок, и жестокое дранье — все это реально было, и убеждает нас в том самый авторитетный свидетель — Антон Чехов, не раз писавший о том, что у него и братьев «детство было страданием». «Деспотизм и ложь,— писал Чехов брату,— сгубили молодость твоей матери, <...> исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой» (2 января 1889 г.).

Причины, заставлявшие сомневаться в полной достоверности мемуаров А. Седого (Ал. Чехова) в другом — в общем смещении в них акцентов и пропорций. Происходило же оно из-за избранной мемуаристом формы, на которую к тому же наложились некоторые личные особенности его литературной манеры.

Мемуары А. Седого построены в виде цепи «сценок», каждая из которых охватывает какой-либо один эпизод биографии мальчика Чехова: день в лавке, день в греческой школе, спевка, церковная служба и т. п.

Форма эта хорошо знакома была автору с юности, со времени работы в юмористической прессе.

«Сценка», возникшая в русской литературе еще в 60-х годах в творчестве Н. Успенского, Г. Успенского, А. Левитова, И. Горбунова, к началу 80-х годов под пером Н. Лейкина, а также его подражателей — И. Мясницкого, А. и Д. Дмитриевых, А. Пазухина и многих других,— приобрела некие предустановленные, затвердевшие черты. Сначала дается краткая экспозиция — описание места действия, потом портреты действующих лиц, дальше идет диалог. Задача состояла не в полноте картины, а в сгущении деталей по одному признаку, создании одностороннего, узконаправленного впечатления. Если рисуется дом купца или его облик, то все «некупеческое» из описания изгоняется — остаются только поддевка, сапоги бутылками да «гостинодворская» речь. Возникает картина, как бы нарисованная одной краскою.

Эта полностью шаблонизировавшаяся форма изжила себя даже в беллетристике (именно ее успешно преодолевал молодой Чехов), тем менее она годилась для документально-мемуарных целей. Из изложения изгонялась всякая «нетипическая» деталь, всякая подробность, нарушающая выбранный доминирующий настрой. Самой своей организа-

цией повествование исключало какие-либо оговорки, уточнения, которые сделали бы картину не только зримой, но фактически точной — например, такие, что были перерывы в спевках, что отец отлучался за товаром, что в 1872 г. родители уезжали в Москву на целый месяц, оставив дом на 17-летнего Александра (можно представить, что это было за время!), что было гощение у тетки, поездки в Княжую к деду и т. п.

Кроме давления жанра, в собственной манере Ал. П. Чехова имелась черта, делавшая эмоциональный колорит его описаний еще более однотонным. Эта черта — та самая субъективность, от которой не раз остерегал брата Чехов, советовавший ему «выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на $^1/_2$ часа». В другой раз Чехов писал: «Главное, берегись личного элемента. <...> Людям давай людей, а не самого себя». Одно письмо датировано 1883-м годом, другое — 1889-м, но Ал. Чехов с годами менялся мало, и рассказы А. Седого 1900-х годов очень похожи на рассказы Агафопода Единицына 1880-х.

Ту же субъективность находим и в его рассказах из жизни Антона Чехова, где автор не сумел подняться над тем личным чувством, каким были окрашены для него события их общего нелегкого детства. А. Седой ничего не присочинял, но создавал столь унылый, мрачный, без единого светлого пятна колорит, что становилось неясно, как мог физически и морально выжить кто-либо в такой обстановке, да еще и сохранить в себе способность творческого восприятия.

Усугубляла дело и литературная несамостоятельность А. Седого. Очерк «Чехов в греческой школе» носит явные следы влияния «Очерков бурсы» Н. Я. Помяловского (насколько живо и сильно было это влияние во времена юности братьев, показывают произведения, печатавшиеся в «Азовском вестнике» — «Очерки из семинарской жизни» и «Из воспоминаний семинариста»). При всем том, сколько можно судить по воспоминаниям соученика Чехова по греческой школе, сына пономаря, И. Т. Петровского, характер преподавания и личность самого педагога — Н. Вутсинаса — переданы А. Седым верно.

И мы благодарно помним, что именно Александр Чехов обрисовал те ипостаси Антона Чехова, которые он обозначил как «Чехов — певчий» и «Чехов — лавочник», осветил те сферы и периоды жизни великого писателя, о которых, кроме него, не рассказал бы никто.

Помимо этих беллетризованных воспоминаний, у Александра Чехова есть еще несколько мемуарных текстов, которые заслуживают самого большого доверия из всей мемуарной литературы о детстве и юности Чехова. Это те воспоминания, которыми он делился в письмах к брату. Лучшей проверкой их точности здесь должна служить реакция второго участника событий и адресата — и самого строгого судьи. К счастью, мы ее знаем:

«Твое поздравительное письмо чертовски, анафемски, идольски художественно» (3 февраля 1886 г.). Речь о большом письме Александра,

где он вспоминает об их детстве. «Художественно» на языке Чехова, как известно, значило «правдиво». Письма Александра Чехова, столь высоко ценимые Антоном Чеховым, ясно показывают, что наибольшая и самая длительная духовная близость из всех членов семьи у Чехова была со старшим братом, который очень рано почувствовал в нем то, что другие поняли десятилетия спустя. К мемуарным свидетельствам писем Александра Чехова биограф должен быть особенно внимателен, вслушиваясь в их тон, вживаясь в воссозданную в них эмоциональную атмосферу общего детства братьев: «Однажды, «дружа» с тобою, я долго и тоскливо, глядя на твои игрушки, обдумывал вопрос о том, как бы мне избежать порки за полученную единицу...»

Из этого же письма Александра Чехова — о том времени, когда Антону было двенадцать-тринадцать лет: «Тут впервые проявился твой самостоятельный характер, мое влияние, как старшего по принципу, начало исчезать. Как ни был глуп я тогда, но я начинал это чувствовать. По логике тогдашнего возраста я, для того чтобы снова покорить тебя себе, огрел тебя жестянкою по голове. Ты вероятно помнишь это. Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся, и, сам не знаю почему, заплакал...»

С тех пор и до конца жизни не было человека или доктрины, про которых можно было бы сказать, что их влиянию подчинился Чехов. И не было той силы — среды, семьи, обстоятельств, общественного мнения,— которая могла бы к этому его принудить.

4

Дети в семье Чеховых рано становились самостоятельными. С малолетства их помощь в доме, в лавке, в занятиях родителей была уже существенной; очень рано, с переселением семьи в Москву, заработки детей (и прежде всего Антона) стали основой благосостояния семьи. Когда говорят, что Павел Егорович всем детям дал образование, это верно лишь в том смысле, что он не пустил их по торговой или ремесленной части, как это было принято в его среде и как поступили со своими детьми его братья, а определил их в гимназию. Заслуга немаловажная. Однако собственно при нем гимназию окончил только старший сын. Николай вышел из пятого класса, Антон доучивался самостоятельно и сам зарабатывал на жизнь (Александр, впрочем, в старших классах тоже уже жил вне дома, за репетиторство получая стол и квартиру). Семейные предания сохранили историю начала обучения в Москве Михаила. Занимался он своим устройством сам. Когда ему отказали в бесплатном приеме в одну гимназию, он пошел в другую, дальнюю и сумел

уговорить директора; с тех пор за ним установилась репутация: «Миша сам себя определил в гимназию». Почти такая же история была и с Марией. «За пропуском всех сроков и за полным отсутствием вакансий ее решительно нигде не принимали, а может быть, за семейными заботами и перегрузкою в труде или из-за своей провинциальной непрактичности мои родители не сумели приступить как следует к делу. Но и тут обошлось все благополучно. Сестре удалось тоже самой определить себя в учебное заведение и кончить курс со званием домашней учительницы по всем предметам» (М. Чехов). Сама М. П. Чехова вспоминала, как она, будучи 14—15-летней девочкой, ходила с матерью и младшим братом снимать очередное жилье: «Мать, боясь собак, оставалась с братом у ворот, а я всегда смело входила во двор, расспрашивала о сдающихся внаем квартирах».

Когда еще делались попытки продать дом в Таганроге, к ростовщику Точиловскому Евгения Яковлевна отправила Антона.

На долю Антона выпала самая большая самостоятельность. В шестнадцать лет он остался в Таганроге один, без денег, в чужом доме. Хуже всего было то, что дом этот только недавно стал чужим — его, воспользовавшись стесненными обстоятельствами своих квартиродателей, путем ловкой махинации присвоил жилец Чеховых Г. П. Селиванов. А. И. Роскин очень проницательно отметил влияние этой потери на душу юного Чехова, которому пришлось «слишком хорошо понять, что такое безмерные унижения и человеческая низость. Тайное припрятывание остатков товаров в конюшне, возня соседей и родственников вокруг разоренного дела, стремление их поскорее выхватить из рук Павла Егоровича все, что можно еще выхватить, отец, бегущий от долговой тюрьмы, переговоры с ростовщиками, предательство человека, называвшего себя «членом семьи», бессилие матери, необходимость начинать новую жизнь, одинокую и суровую, — все это навсегда запало в душу Чехова». Биограф справедливо связывает это событие с несколькими произведениями Чехова, последнее из которых закончено в год смерти: «Чужая беда» (1886), «У знакомых» (1898), «Вишневый сад» (1904). Но эта тема преследовала его и раньше и отразилась еще в первой пьесе Чехова и в рассказе «Добродетельный кабатчик» (1883). Юношей он как бы в миниатюре лично прикоснулся к тому грандиозному процессу «оскудения» родовых гнезд, которое так талантливо запечатлел столь ценимый им Сергей Атава.

Старшие братья еще застали благополучное время в жизни семьи, что отразилось и на их образовании: на дом ходил француз, потом его сменила мадам Шопэ, и Николай и Александр через несколько лет свободно болтали по-французски; для Николая был приглашен учитель музыки Рокко, учивший его играть на скрипке (потом он стал капельмейстером в городском саду и на афишах стал подписываться «Руокко»). Когда подрос Антон, ничего этого уже не было, он получал обычное гимназическое образование.

Но ту бедность, которая заставляет считать копейки, стричь ножницами бахрому на брюках, спать на полу вповалку,— бедность унижающую — Чехов застал уже в Москве. В годы его детства все было иначе. Мемуаристы отмечают почти маниакальное стремление Чехова к аккуратности, изяществу. Это было семейное. Изысканно, по моде одевался дядя Митрофан Егорович. Почти щеголь был Павел Егорович. Он не признавал распространенную тогда — особенно среди мелкого купечества — униформу в виде поддевки и сапог бутылками. Он ходил в цилиндре, потом, в Москве — в только что вошедшей в моду мягкой шляпе. На семейной фотографии 1874 г. мы видим щеголевато одетого мужчину с белоснежными манжетами и высокими воротничками. Никто не видел его не в крахмальной сорочке.

5

20 октября 1873 г. братья Чеховы подали директору Таганрогской гимназии такое прошение: «Желая обучаться в ремесленном классе при Таганрогском уездном училище по ремеслам из нас: Иван переплетному и Николай и Антон сапожно-портняжному, имеем честь просить покорнейше Ваше высокородие сделать распоряжение о допущении нас к изучению вышеозначенных ремеслов, к сему прошению — ученик IV кл. Николай Чехов, ученик IV кл. Антон Чехов, ученик II кл. Иван Чехов».

В ведомостях о выдаче выполненных работ в 1874 г. записано: «18 марта. Антону Чехову триковый жилет из его материала, им же сделанный. Ему же триковые брюки из его материала, им же сделаны». Это были, видимо, те «неожиданного цвета брюки», которые на всю жизнь запомнил будущий артист МХТ, однокашник Чехова, А. Я. Вишневский.

Когда говорят, что Чехов получил демократическое (в 30-х годах писали «трудовое») воспитание, то имеют в виду работу в лавке или портняжный эпизод. Но и то и другое все же было ремесло, дело, дающее реальные результаты. И не в этом было отличие детства будущего изобразителя будней от детства других русских писателей.

С самых ранних лет Чехов был погружен в б ы т. Хозяйство целиком вела Евгения Яковлевна, поденщицу брали только перед большими праздниками. Помогали дети — чаще всего Антон, как самый безотказный. «Куда послать, что поручить — все Антоша делал»,— вспоминала его тетка М. И. Морозова. Он ходил на базар за провизией (что в мало-мальски обеспеченных, даже мещанских семьях было делом кухарки), убирал квартиру, заправлял керосином лампы, носил воду, даже белил комнаты, сам стирал себе воротнички для гимназической формы. Вряд ли кому из больших русских писателей, включая шестидесятников, поповских детей — до Горького — приходилось заниматься этим с детства. Когда Бунин для учебы в гимназии должен был уехать из нищего ро-

дительского имения и поселиться на хлебах у мещанина Бякина, где он «сам должен был чистить свое платье и башмаки и стелить свою постель», это показалось ему верхом унижения.

Тяжесть такого быта — в утомительном однообразии, бессмысленной повторяемости домашних дел, которые на другой день в том же количестве набегают снова,— в их отупляющей нескончаемости, что особенно тяжко для юного сознания, которое заполняется этим целиком. Но не только для юного: потом Чехов покажет, как при постоянном контакте с недуховными феноменами при отсутствии внутреннего сопротивления человек погружается в них полностью, как мир духовный целиком замещается миром вещно-бытовым. Эта ситуация была понята Чеховым не наблюдательски, но осознана и почувствована изнутри.

III. ЛАВКА, СТЕПЬ, ЛИТЕРАТУРА

1

Что такое была лавка, в которой должен был проводить многие часы будущий писатель в годы самого живого, глубокого восприятия впечатлений?

В лавку заходили жены местных чиновников, сами чиновники, учителя, приказчики, проезжие чумаки, полицейские, мелкие маклеры, монахи, драгили (ломовые извозчики), рыбаки, сапожники, конюхи, кухарки — вообще прислуга, которую хозяева посылали за всякой мелочью, вроде той озябшей девки, которая все время забегает в магазин чеховского героя («История одного торгового предприятия»).

Лавка в провинции — это всегда своеобразный клуб, куда приходят узнать новости, поговорить. Заведение Павла Егоровича играло эту роль тем более успешно, что выполняло еще и функции «ренскового погреба», где всегда можно было выпить рюмку водки или стакан сантуринского. Антон видел длинную вереницу проходящих мимо него лиц всех сословий, общественных групп и профессий в той обстановке, где они, не стесняясь, могли обсудить свои профессиональные и прочие дела. Они *говорили*.

Таганрог был разноязык. И сама русская речь в нем была пестра, многодиалектна: в ней причудливо сочетались черты южновеликорусских говоров, украинизмы, варваризмы, имеющие истоком самые неожиданные языки.

Чехов не слышал той образцовой русской речи, которую с младенчества впитывали Тургенев, Толстой, Лесков, Бунин. От многих местных речевых влияний он потом должен был освобождаться. Но необработанная и красочная речевая лавина была постоянным источником выражений, речевых ситуаций, слов профессиональных языков.

Кухарка требует селедки на две копейки, поваренок «на копейку лаврового листа и перца пополам», горничная пришла купить пуговиц, чиновник — вексельной бумаги, гимназист — перочинный ножик... Герой упоминавшегося рассказа «История одного торгового предприятия» открыл книжный магазин, но потом стал продавать в нем карандаши, перья, ученические тетрадки, а затем кукол, барабаны, мячи, потом гигиенические кальсоны для детей, соски, а также лампы, велосипеды, гитары и кончил тем, что «торгует посудой, табаком, дегтем, мылом, бубликами, красным, галантерейным товаром, ружьями, кожами и окороками». Быть может, Чехов знал аналогичную реальную историю, случившуюся в Таганроге: «Вскоре один из книжных магазинов присоединил к книжному делу контору поручений, ссуду денег под залог легких вещей, продажу чая и косметиков и т. п., желая поддержать книжную торговлю» («Петербургская газета», 1874, 13 января). «Здесь, в провинции, нельзя узко специализироваться»,— размышляет герой чеховского рассказа.

Павел Егорович и не специализировался. В его лавке было все.

Здесь продавалось масло деревянное и конопляное, крахмал, каперсы, фисташки, рыба простая (тарань, вяленая) и красная, балыки, сардины, оливки, орехи грецкие, чернильные и мускатные, сарачинское пшено (рис), горох. Мешки с мукой стояли рядом с сельдяными бочонками, с цыбиками чаю мирно соседствовали мыло и нашатырь, вакса располагалась рядом с помадой, рахат-лукум — с табаком анатолийским, бессарабским тертым, крошеным и в листах, камфора и касторка — с кофе аравийским в зернах. Тут можно было купить сургуч, александрийский лист, пуговицы, сандал, фитили, пучки свиной щетины, квасцы, марену, семибратнюю кровь (нерастворимый коралл), трут, имбирь и много чего еще. «Инбиря 2 золотника, калгана 1½ зол., острой водки 1 зол., семибратней крови 5 зол.» («Из дневника помощника бухгалтера»).

Это был вернисаж реалий, каталог названий, речений, обширнейший предметно-наглядный лексикон.

Иногда в лавку заходил представитель санитарной комиссии и, получив свои два двугривенных, уходил, оставив печатные «Санитарные правила». Согласно таковым разрешалось продавать исключительно: «Муку картофельную чистую, ни с чем не смешанную, не затхлую и без хрусту; крупу овсяную, ячную, смоленскую — сухую, чистую, без мучнистых частей, без сору; рис персидский свежий, просвечивающий, мучнистый и без песку; горох крупный, белый, сухой, пополам не разбитый; масло коровье не горькое, чтоб не пахло салом; масло подсолнечное, кунжутное, конопляное, маковое и ореховое хорошо отстоянное, не прогорклое, без поддонки».

На углу прилавка всегда лежал «Азовский вестник» вверх четвертой страницей — с объявлениями. Почти ежедневно в нем можно было прочесть, что «по причине окончательного прекращения торговли» распродаются обои, бордюры и багет, сигары гаванские и рижские, платки ба-

тистовые, вуали, тюль, галстухи, стулья венские, мельхиоровые вазы для блинов, американские швейные машины фабрик Вильсона и Виллера, а также Зингера и Гове, петролеум настоящий очищенный в жестянках...

Или — о поступивших в продажу настоящих английских, французских и польских сукнах, трико, драпо, фланели, баржета, фая, сисильена, о том, что есть в большом выборе французский перкаль, коломенко, разноцветный репс, сарпинки полушелковые, поплин гладкий и экосе, парусина и равендук, полотно настоящее биелефельдское, что объявляется необыкновенно дешевая распродажа, где вниманию гг. покупателей предлагаются тканевые одеялы, одеялы касторовые и байковые, пикейные покрывала, персидские ковровые шали, бомазей, кошениль и проч.

«— Есть ленты с пико, атаман с атласом и атлас с муаром! <...> Ориенталь, британские, валенсьен, кроше, торшон — это бумажные-с, а рококо, сутажет, камбре — это шелковые... <...> Испанские, рококо, сутажет, камбре... Чулки фильдекосовые, бумажные, шелковые...» («Полинька», 1887).

Невольник-сиделец лавки с вошедшей в русскую литературу вывеской «Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары» в детстве был обречен на постоянное принудительное наблюдательство.

2

Столь же насильственно мальчик Чехов был окунаем и в стихию церковнославянского языка — обязательным посещением вечерни и заутрени (сначала — с нянькою), слушанием акафистов дома, ежедневным чтением евангелия и псалтири, пением в церковном хоре. Но — чудное дело! — когда в гимназии Антон начал изучать закон божий, этот предмет стал любимейшим, а сам Чехов — одним из любимцев законоучителя Ф. П. Покровского, обессмертившего себя придуманным своему ученику прозвищем «Чехонте».

Протоиерей Федор Платонович Покровский вышел младшим кандидатом из Киевской духовной академии в 1857 г. и вскоре получил место настоятеля Таганрогского собора, а в 1865 г. был назначен законоучителем в Таганрогскую первую мужскую гимназию. В академии он получил широкую философскую подготовку и любил в разговоре щегольнуть именами философов не только духовных. У него был прекрасный низкий баритон (в юности он готовился к карьере оперного певца), и на его службы в соборе стекался весь город. Во время русско-турецкой войны он занимался сбором пожертвований среди прихожан на санитарные нужды, за что получил знак общества Красного Креста и благодарность (в подобных же сборах отличились дядя Чехова Митрофан Егорович и о. В. Бандаков, о котором Чехов напишет потом некролог), а впо-

следствии (не без участия Чехова) был представлен к болгарскому ордену.

С местным духовенством Покровский постоянно конфликтовал, на него писали доносы, одно время его даже отстранили от служб в соборе. Был он человеком, не чуждым мирских и литературных интересов. На уроках священной истории он говорил о Гете, Шекспире, Пушкине, Лермонтове, от него впервые гимназисты слышали имена некоторых современных писателей. На отпевании Н. В. Кукольника он произнес большую речь, в которой излагал литературную биографию покойного. Недогматически настроенный, он не любил Павла Егорыча за религиозный формализм.

Был Покровский большим любителем разного рода речевой игры. Прозвище он дал не только Чехову. Приятель Антона, Андрей Дросси, звался у него «Дросос», были переименованы и многие другие гимназисты. Через много лет, прося Чехова прислать свои сочинения, Покровский написал: «Поброунсекарствуйте старику», окаламбурив имя Броун-Секара, изобретателя широко рекламируемой тогда омолаживающей жидкости. Покровский был носителем давней бурсацко-семинарской традиции — словесной игры с церковнославянизмами, использования их богатейшей красочной палитры и выразительных словообразовательных моделей для разного рода образных и юмористических целей (употребление церковнославянизмов для создания сатирической экспрессии — одна из заметнейших черт стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, особенно любимого и часто цитируемого на уроках Покровским).

Эту традицию живо впитывали братья Чеховы (разумеется, воспринять ее мог лишь тот, кто свободно ориентировался в церковных текстах). Она очень сильно чувствуется в письмах Александра Павловича, начиная с обращений: «Велемудрый Антоние!», «Глубокопочтенный и достопоклоняемый братец наш Антон Павлович!», «Толстобрюхий отче Антоние. Да возвеличит господь чрево твое до величины осьмиведерного бочонка и да даст тебе велий живот и добрый».

В этом стиле в его письмах выдержаны целые сценки, рисующие жизнь семьи в первые годы жизни в Москве: «Часто по вечерам собираются Чоховы обоего пола <...>, воодружают на столе неисчислимое (даже для математика) количество бутылей и зачинают систематическое осушение оных. Осушение сначала идет тихо, степенно и благовоспитанно. По мере же промачивания гортаней голоса очищаются и ярые любители согласного пения начинают вельми козлогласовать <...>. И все идет согласно и чинно, услаждая друг друга и по временам лобызаясь в заслюненные от сладости уста. Иногда же некто, дирижировавший во дворце (Павел Егорыч — А. Ч.), тщится придать концерту еще вящую сладость, помавает десницею семо и овамо, внушительно поя «Достойно» на ухо поющему «Лучинушку». Жены же благочестия исполняются и, откинув ежедневные суетные помышления, беседуют о возвышенных материях, как то: о лифах, турнюрах и т. п. Долго тако-

вая беседа продолжается дондеже ризы не положатся вместе с облаченными в них...» (март 1877).

Такие письма Антон Чехов получал, когда едва начинал пробовать перо. К этому стилю, макаронически перемешивающему церковнославянизмы со словами самыми современными и копирующему мелодику библейской речи, близки многие места из рассказов раннего Чехова: «Взгляни, русская земля, на пишущих сынов твоих и устыдися! Где вы, истинные писатели, публицисты и другие ратоборцы и труженики на поприще гласности? <...> Доктор сквернословия есмь и в древности по сему предмету неоднократно в трактирах диссертации защищал да на диспутах разнородных прощелыг побеждал <...> А что я, други мои, потерпел в то время, так одному только богу Саваофу известно... <...> Страдал и мучился за идеи и мысли свои; за поползновение к труду благородному мучения принимал» («Корреспондент», 1882).

Юмористическое, сатирическое использование церковнославянизмов — это был лишь первый по времени и глубине их пласт. Влияние на Чехова этой речевой традиции было долговременнее и многоохватнее. Глубоко заметил биограф Чехова А. Измайлов: «Тяготение отца к церкви и к «божественной» книге, семейные чтения из Четьи Минеи нечувствительно держали А. П. в общении с чудесным старым языком, не позволяли ему забыть его и разминуться с ним, как случается с огромным большинством русской интеллигенции, создавали в нем то чуткое ощущение простого исконнорусского слова, которое неизбежно вызывало антипатию ко всякой наносной иностранщине <...> В его книгах можно найти сотни доказательств того, как в ощущении простоты, красоты и, скажем, родовитости слова, исконной его принадлежности к русскому языку, его выручало обращение к корням языка житий, прологов и богослужения, как отсюда иногда он заимствовал благородный и чуждый изысканности пафос».

«— Древо светлоплодовитое... древо благосеннолиственное <...> «Светоподательна светильника сущим...» — сказано в акафисте к Иисусу Сладчайшему. Светоподательна! Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем! Кроме плавности и велеречия <...> нужно еще, чтоб каждая строчка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молния, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого. И всякое восклицание так нужно составить, чтоб оно было гладенько и для уха вольготней...» («Святою ночью»,1886).

Проза Чехова необычайно тонко мелодически организована, иногда почти по законам поэтической речи. Одною из самых заметных мелодических фигур его синтаксиса является своеобразная трехчленная фраза, создающая настроение особого лиризма: «В каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем» («Ионыч», 1898). Один из самых тонких исследователей

Чехова, А. Б. Дерман, полагал, что строй этих фраз отдаленно напоминает читателю «строй наиболее печальных мест из церковных молитв <...>: «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание» <...> Чехов как никто из русских писателей знал церковную службу; соответственные детские ассоциации печального и трогательного звучания могли бессознательно привести его к указанному ритму <...> Но возможно и даже более естественно предположить, что он вполне сознательно заимствовал этот, сам по себе очень музыкальный ритм из церковных мотивов».

Среди проповедников, которых приходилось слушать в детстве Чехову, был настоятель таганрогской Архангело-Михайловской церкви В. А. Бандаков — в его изданных в 1877 г. проповедях есть «Поучение по случаю всенощного бдения, совершенного в доме Чехова». Проповеди его были не совсем обычны. Об их авторе Чехов потом напишет: «Обладая по природе своей крупным публицистическим талантом, в высшей степени разнообразным, он редко останавливался на отвлеченных богословских темах, предпочитая им вопросы дня и насущные потребности того города и края, в котором он жил и работал; неурожаи, повальные болезни, солдатский набор, открытие нового клуба — ничто не ускользало от его внимания <...> Он не боялся говорить правду и говорил ее открыто, без обиняков; люди же не любят, когда им говорят правду, и потому покойный пострадал в своей жизни немало» («В. А. Бандаков. Некролог», 1890).

Город имел и третий лик — степной, морской. Не морской торговый, но морской солнечный, песчаный. Он стоял на берегу теплого залива, а прямо за шлагбаумом начиналась степь.

В гавани ловили рыбу на удочки. Павел Егорович к такому занятию относился терпимо — это была «маленькая польза». Антон смастерил поплавки-человечки: когда рыба клевала, человечек погружался и подымал руки кверху. Бычков ловили сотнями. Столько было не нужно, они портились, но остановиться было невозможно. «Плескание» и лежанье на песке Павел Егорович не одобрял, но все же ходили и просто купаться, заплывали далеко, ныряли; бросившись в воду с разбега, Антон рассек себе о камень лоб. (Шрам на лбу слева потом внесут в качестве особой приметы в его паспорт.) Когда Чехов возвращался с Сахалина Индийским океаном, он придумал себе развлеченье: нырял с носа парохода на полном ходу и хватался за конец, кинутый с кормы.

С моря возвращаться приходилось рано; пока проходили Банный спуск, снова становилось жарко. Копейка, чтобы купить «сахарного» мороженого у мороженщика Григория, бывала редко у кого.

Но зато когда у братьев появились свои деньги — от продажи птиц, от репетиторства,— они стали постоянными клиентами мороженщика.

Попав через семь лет снова в Таганрог, Александр Чехов напишет брату: «Видел мороженщика Григория. Он узнал меня и осклабился

с фразою: «Господин Ч-е-ехов!» Я купил у него мороженого, заплатив впятеро, но не ел из предосторожности».

Зимой Таганрогский залив был неприветлив, подледный лов рыбы опасен. Сбивались в артели, ловили огромными неводами — до 300 сажен длины, влекомыми подо льдом (попадались белуги до 90 пудов весом). Ло́вили и в одиночку. Все время рассказывали, как провалился под лед то местный мещанин, то двое каких-то пришлых, то лошадь. Когда вдруг начинался ураганный ветер, в метели, на льду, в десятках километров от берега замерзали целыми артелями. Иногда ветер взламывал лед и отрезал рыбаков от берега.

Один из таких случаев запомнился братьям. Александр Чехов описал его в рассказе «Ночной трезвон», сохранив, как обычно, в точности все реалии (приморский город, семь церквей, сорок два рыбака и т. п.). Антон Чехов тоже использовал впечатления этих дней — в рассказе «В рождественскую ночь» (1883).

Летом от задов кладбища уже шли засеянные поля; обходя другое, еврейское кладбище, они тянулись до самого горизонта. Петровская роща, чаще называемая Дубками, тоже была окружена хлебами. Дальше начиналась степь.

За городом было множество балок — Воловья, Большая и Малая Черепахи, Кагатов овраг. Весною они превращались в бурные речки.

В степи стояли курганы; больших, впрочем, не было — самый высокий, по измерениям местных естествоиспытателей, составлял 25 футов. Но и с них обзор получался хороший: степь лежала ровная.

Это была пригородная, домашняя степь. Настоящая степь начиналась дальше, верстах в сорока от Таганрога; ее Антон видел, когда уезжал с братьями на лето в деревню Княжую к деду, управляющему имением графини Платовой. До деревни было шестьдесят верст; на волах ехали с ночевкой; спали под звездами.

Заезжали в село Криничку, ловили бреднем рыбу; больше попадались раки, что тоже было недурно,— трудно было только выпутывать клешни и раковые шейки из ячей.

Княжая являла собою обветшавшую барскую усадьбу с большим садом, спускавшимся к реке, и огромным пустующим барским домом; в этом доме и селили братьев.

Начинались другие впечатления. Дед считал, что все его занятия очень интересны — и брал с собою кого-нибудь из внуков в свои объезды на беговых дрожках полей, огородов, где каждые два-три дня сменялись поденные рабочие из самых разных губерний. Обедали с ними, слушали их рассказы. Объезжали тока, где уже вовсю шла молотьба.

Сторонним наблюдателем, впрочем, Чехову не удавалось быть и здесь. «В детстве, живя у дедушки в имении гр. Платова,— вспоминал он,— я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки,

шипенье и басовой, волчкообразный звук, который издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек — все это врéзалось в мою память, как «Отче наш». Может, потому и врезалось,— как лавка, как церковные службы,— что это было наблюдательство работника, участника?

Два лета — после шестого и после седьмого класса — Чехов провел на хуторе у родителей ученика, которого он репетировал,— Пети Кравцова. Это был уединенный, «печенежский» хутор, «аул полудиких народов». Стены дома были увешаны ружьями и пистолетами, все окна были заставлены жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мальчиков будили выстрелы — хозяин бил из ружья в ворон, сорок, воробьев, которые могли бы нанести вред хозяйству. Пальба шла непрерывная — даже если нужны были курица или гусь к обеду, в них стреляли. Охотились, конечно, не только на ворон и кур; вокруг было много болотной дичи, дроф, бекасов. Не научиться стрелять, живя здесь, было невозможно. Выучился Антон и ездить верхом — можно было брать любую из пасущихся вокруг хутора стреноженных лошадей и, распутав, скакать без седла куда угодно.

Приехав в родные места уже известным писателем, Чехов говорил: «Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-Могилу <...>, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен». Но все это оказалось нужным ему самому, и не только как «материал» — это вошло в структуру его личности.

Природа для Чехова — часть его существования. Времена года — важные этапы жизни. Любая перемена погоды — явление, равноценное с литературными, общественными делами. О дожде, снеге он упоминает в письмах в одном ряду с ними. Прилет птиц — крупнейшее событие, он пишет о нем Суворину в марте 1891 г. вместе с сообщением о работе над «Дуэлью». С вниманием и волнением вглядывается он в природу во время сибирского путешествия и с восторгом сообщает в письмах к нескольким корреспондентам, что целый месяц видел солнце от восхода до заката.

Всем этим он обязан своему степному детству. Свою связанность с природой он всю жизнь ощущал очень остро; его настроение барометрически реагировало на погодные изменения. В своих рассказах он показал глубокое влияние состояния природы на психику человека. Человек «оприрожен», природа — очеловечена. Деревья, цветы, облака, собаки, волки чувствуют и думают, как люди («Агафья», «Каштанка», «Белолобый», «Страх»). Они огорчаются, радуются, волнуются, грустят. В рассказе «Красавица» лошади, «не понимая, зачем это заставляют их кружить на одном месте и мять пшеничную солому, бегали неохотно, точно через силу, и обиженно помахивая хвостами». Волчиха из «Белолобого» — домашнее, понятное чадолюбивое существо, не любит шума, стра-

дает головными болями: «Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат <...> Ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая...»

Среди ранних вещей Чехова есть очерк «На волчьей садке» (1882) — о травле привезенных волков на Ходынском поле. «Волк <...> осматривается... Нет спасения! А ему так жить хочется! Хочется жить так же сильно, как и тем, которые сидят на галерее, слушают его скрежет зубовный и глядят на кровь». В чеховское время так не писал никто. «Говорят, что теперь девятнадцатое столетие. Не верьте, читатель. В среду, шестого января, в европейском и даже столичном городе Москве <...> сидели люди и наслаждались зрелищем». Что это нам напоминает? Конечно же: «Седьмого июля 1857 г. в Люцерне перед отелем Швейцергофом <...> около ста человек слушали его...» (Л. Толстой. «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн»).

Толстой пишет об унижении, которому подвергся в цивилизованной Европе, на глазах у всех, человек. Для Чехова столь же важным в нравственном смысле оказывается бесчеловечное отношение к животным.

О природе и животных писали многие. Сочинения Аксакова, Пришвина останутся навсегда — в будущем, быть может, они предстанут как описание прекрасного облика прежней планеты и удивительных животных, которых уже давно нет.

Но сейчас нам, пожалуй, важнее опыт Чехова, который писал не об уникальной жизни человека наедине с природой в краю непуганых птиц, а о повседневном общении с ней человека современной цивилизации в условиях города, квартиры, пригородной дачи. В произведениях и в собственной жизни Чехов дал примеры и образцы истинной этики человека в его общении с братьями нашими меньшими.

4

Об его характере и даже внешности в гимназические годы сведения противоречивы. Одни соученики вспоминали, что он был полным, другие — что «худощавым на вид, но крепышом». Одни запомнили его «вялым увальнем с лунообразным лицом» (П. А. Сергеенко), «букой» (Тан), другие, в том числе домашние — как «весельчака, шутника, острослова». Современник прав: «Очевидно, мальчик развертывался охотнее дома, чем в гимназических стенах». Но на мнении о «весельчаке» лежит явный отсвет последующей славы писателя-юмориста. Во всяком случае, вызывают сомнение воспоминания о том, как юный Чехов читает смешные рассказы «по тетрадочке», потешая этим всю гимназию. Но независимо от того, насколько это проявлялось вовне, юмористический настрой, несомненно, был сильным — любовь к прозвищам (начавший уха-

живать за барышнями Александр был прозван Волокитичем Фаленюгой, вечно хныкающий Николай — Зюзей Каличем Мордокривенко), каламбурам, обыгрываньям латинских цитат и немецких слов, церковнославянизмов бьет в глаза в ранних письмах, ранних рассказах Антона Чехова и его первой пьесе, еще тесно связанных с детским и юношеским словесно-тематическим багажом.

Несомненно, сильна была и артистическая жилка, желанье имитировать, пародировать жесты, манеры.

М. Д. Дросси-Стайгер, сестра гимназического приятеля Чехова, вспоминает: «Полина Петровна была старая дева, очень жеманная, непрестанно оправлявшая на себе платье и красневшая по всякому поводу. Антоша изумительно копировал ее манеры. Бывало, Антоша ее передразнивает, а она потом входит,— и трудно было удержаться от смеха».

Вспоминает приятель отца Чехова, Ф. П. Чангли-Чайкин: «При приходе брата (Митрофана Егоровича.— *А. Ч.)* Павел Егорович встречает его с распростертыми объятиями. Дядя, будучи человеком религиозным, безмолвно направляется к углу с иконами и начинает набожно креститься. Отец остается с протянутыми руками. Так как икон много, то моление продолжается долго. Хозяин опускает протянутые для встречи гостя руки и тоже начинает молиться. Наконец, дядя кончил молиться и, оборачиваясь, протягивает руки. Теперь молится хозяин, а гость стоит с протянутыми руками». Эту сцену потом не раз в лицах представлял Антон.

Сведения о детских забавах и шалостях братьев Чеховых скудны (может быть, их было не так много?..). Но о некоторых мы знаем: играли в лапту (Антон — отлично), в бабки, ловили тарантулов в степи, жарили рыбу на берегу, запивая ее сантуринским (в большой тайне от Павла Егоровича), клеили воздушные шары из папиросной бумаги, заполняя их светильным газом при помощи шланга, надеваемого на рожок загашенного уличного фонаря (Павел Егорович узнал, окончилось большой поркой), принесли домой череп и кости, сильно напугав сестру. Правдивость последнего эпизода М. П. Чехова впоследствии оспаривала, А. А. Долженко, автор воспоминаний, возражая ей, стоял на своем. Какая-то история с черепами и костями (быть может, и не одна), несомненно была: о подобном эпизоде вспоминала А. Л. Селиванова-Краузе (черепом пугали и ее), сюжет с ними связанный, положил в основу своего рассказа «Жертвы науки» (1887 г.) Александр Чехов, а он, сгущая отдельные подробности, в целом сами эпизоды обычно не придумывал.

Еще меньше дошло до нас сведений, рисующих общественный темперамент Чехова — даже в Московском университете, не говоря уж о гимназии. Тем ценнее каждое такое свидетельство. Однокашник Чехова, таганрогский врач И. Л. Шамкович рассказывал корреспонденту газеты в одну из чеховских годовщин, в 1914 г.: «Как-то раз у класса вышло какое-то недоразумение с преподавателем словесности Мальцевым. Класс решил не подавать очередного сочинения. Чехов согласился

с этим решением. Тем не менее один из учеников, ныне здравствующий, сочинение подал. Поступок изменника возмутил другого ученика, сейчас видного присяжного поверенного на юге, и он ударил изменника по лицу. Увидя это, Чехов не выдержал, пришел в сильное волнение и воскликнул: «Это глупо, это дико!»

Реальность этого эпизода получила неожиданное подтвержденье через шестьдесят лет. В 1935 г. во время празднования 75-летия со дня рождения Чехова в таганрогском театре с воспоминаниями в числе прочих выступил престарелый И. Л. Шамкович. С некоторыми вариациями он изложил тот же эпизод: «В. ударил заподозренного по лицу, пользуясь тем, что был посильнее. Гимназист Антон Чехов подошел к В. и сказал тихо, но крайне выразительно: «Как тебе не стыдно!»

«В момент, когда со сцены произносилась эта фраза,— вспоминает один из находившихся в тот час в театре,— из глубины театрального зала раздался несколько хриплый, но отчетливый старческий голос: «Мне и сейчас стыдно!» Оказалось, что в зрительном зале присутствует согбенный годами В.».

Соученик Чехова Н. Богораз (Тан) однажды написал: «Таганрогская гимназия в сущности представляла арестантские роты особого рода. То был исправительный батальон, только с заменою палок и розг греческими и латинскими экстемпоралиями». Это хлесткое высказывание многократно цитировалось, несмотря на его очевидные преувеличения.

В 1837 г. таганрогская коммерческая гимназия, основанная в 1806 г., была преобразована в 7-классную гимназию. В 1843 г. гимназия перешла в специально построенное каменное здание. Здание было хорошее. В нижнем этаже помещались классные комнаты, библиотека, историко-географический музей, канцелярия гимназии, квартира директора. В верхнем этаже — актовая зала, бо́льшая часть классных комнат. Классы были светлые, в середине 70-х гг. они были оборудованы партами-скамейками по системе Кунце. В актовой зале, помимо полагающихся официальных портретов, висела копия, писанная маслом, Дрезденской Мадонны. Там же были две золотые доски, куда заносились фамилии выпускников-медалистов. Последние четыре года Антон видел там свою фамилию: в 1875 г. с серебряной медалью гимназию окончил Александр Чехов.

Это была обычная гимназия того времени — с инспекторами, глазками-окошечками в классных дверях, обязательными проходами по коридорам директора, дежурствами инспекторов в парках, театре. Атмосфера сильно смягчалась тем, что директор Э. Р. Рейтлингер был человеком добродушным; братья Чеховы были с ним в хороших отношениях: Александр был репетитором у его детей и в последний свой гимназический год даже жил у него на квартире. Антона соученики запомнили прогуливающимся с директором по гимназическому коридору.

Ежегодно в мае устраивалась экскурсия в Дубки. «Экскурсии эти,— писал историк таганрогской гимназии,— имели характер полной

непринужденности и были исполнены искреннего детского веселья и оживления». Однако, по воспоминаниям одного из их участников, само путешествие у гимназистов успеха не имело. И понятно, почему: по словам того же историка, «ученики гимназии отправлялись туда пешком в сопровождении начальника гимназии, инспектора и преподавателей». Но по прибытии в рощу все менялось. Расстилали скатерти, ставили самовары. Предлагалось даровое угощенье: бутерброды, молоко, чай, апельсины, пиво. «Преподаватели,— вспоминает другой участник этих маевок,— забыв на время всякую официальность и вспомнив свою юность, снимают сюртуки и превращаются в тех же гимназистов, дурачатся, бегают взапуски, борются, прыгают друг через друга; гимназисты прыгают через них, «салят» мячом их; смех, шум, крик, общая свалка. Стена, созданная циркулярами и инструкциями и отдаляющая мир учеников от преподавателей, рушится, и лед, покрывавший в течение года все отношения учеников и преподавателей, тает». Играли в мяч, в чехарду, «в беглых». Антон больше всего любил лапту.

Это была классическая гимназия, и для периода управления министра народного просвещения Д. А. Толстого отнюдь не хуже прочих. От поступающих в 1-й класс требовалось: по русскому языку «умение бегло и со смыслом читать и пересказывать легкие рассказы на предложенные вопросы, а также писать под диктовку без искажения слов и уметь читать по-церковнославянски», по арифметике — знание первых четырех действий. Подавляющее большинство получало все эти сведения в приготовительном классе (23 августа 1868 г. в приготовительный класс поступил и Антон Чехов). Большое значение придавалось древним языкам — из-за них чаще всего оставляли учеников на второй год, портили судьбы. Но в гимназии хорошо были поставлены естественные науки, силами учеников и преподавателей велись метеорологические наблюдения, печатавшиеся в местной газете, в кабинетах были новейшие приборы, имелся телескоп. В 1872 г. «Азовский вестник» сообщал о том, что «инспектор Каменский намерен познакомить таганрогскую публику с недавно приобретенным для физического кабинета гимназии фотоэлектрическим микроскопом Дюбоска».

Преподавание велось по обычной гимназической программе: всеобщая и русская история — по Иловайскому, Греции и Рима — по Павловичу (правда, преподававший историю Рейтлингер очень почитал Т. Моммзена и из уроков нередко устраивал целые лекции «по Моммзену»), география России — по Мостовскому, теория словесности — по Филонову, история русской словесности — по Порфирьеву и Смирновскому. Русская литература заканчивалась на «Антоне Горемыке» и «Записках охотника». Лев Толстой считался уже текущей литературой, о «Войне и мире» гимназистами делались «свободные доклады» на ежегодных со-

браниях, посвященных чтению и толкованию выдающихся образцов отечественной и иностранной словесности.

Но гимназией образование не исчерпывалось. Очень рано Чехов начал много читать. Что он читал?

5

С шестнадцати до девятнадцати лет Чехов прожил в Таганроге один.

Эти годы — ключевые для понимания его личности: в Москву он приехал уже другим человеком. Меж тем они — самые глухие и темные в его биографии.

Главная потеря этого времени — утрата писем, которые он регулярно писал семье в Москву. Их было, очевидно, несколько десятков, а если Чехов-гимназист был эпистолярно не ленив так же, как Чехов-студент, то и больше сотни. Но сохранилось только два — родителям (20 июня 1878 г.) и брату Михаилу (5 апреля 1879 г.). Последнее письмо, где Чехов размышляет о человеческом достоинстве, высказывает свои литературные вкусы и оценки (после чтения Бичер-Стоу — «неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки»), дает советы (читать Сервантеса, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева, «Фрегат «Палладу» Гончарова) — цитировалось тысячекратно, что понятно, ибо оно по сути дела — единственный достоверный источник сведений о круге чтения, литературных пристрастиях Чехова-юноши. Можно себе представить, сколько подобного материала было в десятках таких писем. Но они, как бросает мимоходом М. П. Чехов, «погибли в недрах московских квартир» (заметим, кстати, что в этих же самых недрах почему-то не пропали письма, писанные кем-либо Антону, когда он тоже стал жить в Москве). Письма Антона к Александру тоже сохранились только с того времени, когда тот жил уже вне чеховской семьи. Тем менее кому-либо приходило в голову хранить рукописи Чехова (случайно сохранилось всего несколько). Поэтому утверждения М. П. Чеховой вроде «Я бережно хранила его рукописи, каждый клочок бумаги, написанный его рукой», неточны. Истины ради нужно сказать прямо, что чеховская семья сохранила очень мало. И почти ничего — от времени юности Чехова. Все надо восстанавливать по косвенным данным, на многие вопросы отвечая лишь приблизительно. Вопросов этих много. Какие книги были в круге его внимания? Какие литературные впечатления были первыми? Какие журналы? Какие жанры больше привлекали юное внимание будущего создателя новых жанров?

Знакомство с мировой культурой мальчик Чехов начал с Библии, знакомство с современной умственной жизнью — с газет. Начал очень рано: Павел Егорович имел привычку читать газету вслух или заставлять делать это кого-либо из детей — потом они еще должны были пересказывать прочитанное.

Что такое была провинциальная газета 70-х годов XIX века?

В 1817 г. во всех губернских городах по правительственному указу начали выходить губернские ведомости. Кроме обязательной официальной части, печатавшей монаршие распоряжения, телеграммы, сведения о назначениях и продвижении по службе, была часть неофициальная, в которой помещались сельскохозяйственные статьи, краткие рецензии на спектакли (не всегда), отчеты о благотворительных вечерах. Часть официальная была скучна, неофициальная — интереснее не намного. В Таганроге, как городе не губернском, местная пресса появилась позже. В 1859 г. начал выходить «Полицейский листок», в 1870 г. он был переименован в «Ведомости Таганрогского градоначальства».

В начале 70-х годов в провинции возникло множество частных газет; в Таганроге тоже появилась такая газета, издавал ее крупный местный бакалейщик и владелец типографии П. С. Муссури, редактором был преподаватель гимназии Ф. Р. Браславский. Называлась газета «Азовский вестник»; выходила она в 1871—1878 годах. Это была газета чеховского детства.

Как и в «Ведомостях Таганрогского градоначальства», в ней печатались правительственные сообщения и городские административные распоряжения, но зато здесь помещались подробные разборы спектаклей местного театра или гастролеров, был литературный отдел, широко перепечатывались корреспонденции из других газет — как вообще в провинциальной прессе («Стрекоза» острила: «На транспорт ножниц, следовавший из Тулы в С.-Петербург, произведено было нападение вооруженною рукою. Весь транспорт расхищен. Есть основания к подозрению, что дело не обошлось без участия редакций провинциальных изданий»). В разделе «Разные известия» можно было прочесть сообщения о путешествиях Д. Ливингстона и Н. Миклухо-Маклая. Писали об ухудшающемся климате — засухах, пыльных ветрах (словосочетание «пыльная буря» еще не привилось). Причину видели в вырубке лесов как на юге, так и в Поволжье. Все чаще писали о необходимости лесных посадок. Когда Чехову было шестнадцать лет, в газетах было опубликовано высочайшее повеление об установлении ежегодных премий за труды по разведению лесов и посадку деревьев в Херсонской, Саратовской, Самарской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской губерниях, за наилучшее по правилам лесного хозяйства устройство лесных дач.

Постоянно печатались сообщения об удивительных происшествиях из заграничной жизни. Текстильный фабрикант заключил пари, что у него за один день изготовят сюртук из шерсти овец, доставленных утром; овец пригнали в пять утра, а к девяти вечера сюртук был готов. У другого иностранца бакенбарды начали прорастать внутрь щек, прямо в рот. Сиамские близнецы поссорились на политической почве — из-за противоположных взглядов на проблему рабства в Америке и обратились к медикам с просьбой разъединить их. Иногда — правда, реже — появлялись известия и об отечественных удивительностях: живущая в Ка-

зани г-жа М. вот уже месяц лежит в летаргическом сне; другая дама, жительница Вятки, уже несколько лет ест глину без всякого видимого вреда для здоровья. Сообщались и просто полезные сведения, новейшие выводы науки: неумеренное курение крепких сигар ведет к сумасшествию и даже смерти.

Много было объявлений. Об уроках, о товарах, о продаже домов, о банкротствах. Назначались в продажу с торгов за неуплату в срок по векселям, обеспеченным закладными и опротестованным, имения: в области Войска Донского из 2000 десятин удобной без всякого населения земли; из 215 десятин с находящимися на ней постройками — каменным домом, кухнею, каретником, амбарами и прочими угодьями; домá: деревянные и каменные, кирпичные, крытые черепицею, с флигелями и без таковых, кухнею, сараем и, если нужно, конюшнею.

Немец из Риги, имеющий хороший аттестат, желал бы «иметь место управляющего в южном краю России, т. к. он ознакомился с здешней почвой». Итальянец, скрывшийся под криптонимом С. А., объявлял об открытии им выставки-распродажи «картин оригиналов лучших древних художников и коллекции редких гравюр». Выставка была в доме Варваци, с гимназистов за вход вместо 30 копеек было назначено 15. Гг., купившим что-либо из картин древних художников, плата за вход возвращалась.

В последние гимназические годы Чехов, когда уже жил один, выписывал популярное тогда периодическое издание — «Газету Гатцука», приложение к еще более известному «Календарю» того же издателя. Эту газету не раз упомянет через несколько лет Чехов-фельетонист.

Гатцуковское издание обрушивало на своего читателя целую лавину разнообразных сведений: об устройстве чернилиц (так это слово писал и Чехов), о филоксере, о филадельфийской выставке, о способе сохранять куриные яйца свежими в течение двух лет (обмазывать их парафином), как сделать кожаное пальто непромокаемым, как закаливать стекло, о роли кроличьего мяса в будущем. Потом, в Москве, Антон Павлович будет поражать сестру, давая ей вычитанные у Гатцука советы по крахмаленью белья: если в горячем крахмале распустить кусок спермацета, то белье, став белым и блестящим, сохранит гибкость.

Давала газета и сведения более значительного масштаба — по метеорологии, о спектральном анализе, по медицине. Как и «Азовский вестник», она много писала о путешествиях, только основательнее: напечатала письмо Миклухо-Маклая Географическому обществу; в 1875 г. в нескольких номерах публиковалась серия очерков «В сердце Африки» — о трехгодичном путешествии Георга Швейнфурта в центральные районы континента и, в частности, к людоедскому племени Ньям-Ньям (на языке динков это слово значит «обжоры»); писали и о другом известном путешественнике по Африке — лейтенанте Камероне. Печатались — обычно с многочисленными гравюрами — статьи об Индии, Цейлоне, Японии, Испании, Венгрии, Америке... Если гимназист читал выписыва-

емую им газету, то его юность прошла под знаком очерков о путешествиях и дальних странах.

Недурным добавлением к гимназической программе были статьи о Верещагине, М. И. Глинке, известных артистах, ученых, писателях (например, юбилейная статья «Алексей Феофилактович Писемский»).

У многих из рассыпанных в чеховских сочинениях редких сведений, анекдотических историй, фактов («Бальзак венчался в Бердичеве»), заживших второй жизнью именно благодаря появлению в его произведениях, явственно чувствуется газетное происхождение.

Ощутимы были и издержки газетного образования: отзвуки расхожих мнений — о немцах и Германии («страна стихов и бутербродов, пива и солдат»), французах, славянофилах (И. С. Аксакове), живописи — чувствуются в его ранней фельетонистике и юмористике, и освободился он от этого далеко не сразу.

Когда Чехову было четырнадцать лет, местная газета писала: «У нас есть одна мужская классическая гимназия с языками латинским и древнегреческим, одна женская неклассическая и не реальная гимназия, есть две библиотеки, есть клубы...» В этом пассаже, звучащем, как цитата из «Ионыча» («что в С. есть библиотека, театр, клуб...»), чувствуется гордость патриота города. Ведь еще совсем недавно был только один клуб, доступ в который был строго ограничен, и лишь за четыре года перед тем открылся новый клуб, с целью «доставить молодым людям среднего и низшего классов возможно дешевое, приятное и полезное препровождение времени», стать «местом покоя людей, утомленных суетою жизни, хранилищем опытной науки и доброй нравственности». Клуб, как и следовало ожидать, оказался обычным провинциальным заведением средней руки: биллиард, игорный зала, буфет, маскарады, танцевальные вечера, детские праздники. Хранилища нравственности не получилось — даже клубная библиотека заслужила вскоре славу такого места, куда «дамы не ходят», и, судя по всему, по вечерам сильно напоминала описанную в чеховской «Маске» (1884). Но днем она выполняла свои функции вполне исправно. Правда, солидных журналов она не выписывала, но газеты — «Петербургский листок», «Московский листок», «Биржевые ведомости» получались регулярно. Недовольным в качестве отрицательного примера приводился случай с Харьковской публичной библиотекой, потратившей треть годового бюджета, чтобы выписать «Таймс», который не мог прочесть ни один из посетителей. Поступали главные юмористические журналы — «Будильник», «Стрекоза», «Шут», «Пчелка», которые прилежно читали гимназисты. Как писалось в одной корреспонденции, время от времени читальный зал «оживляется смехом и скромными замечаниями на нескромное содержание карикатур». Существовали еще две частные библиотеки — Ващиненко и Гарцевич, но они были платные. В шестом классе Чехов записался в городскую библиотеку.

В сведениях о круге чтения Чехова-гимназиста нет никаких следов знакомства с такими, например, журналами, как «Вестник Европы» (следов этих нет даже в первые университетские годы), не говоря уж об «Отечественных записках» (которые и получать было не так-то просто — в 1878 г. из таганрогской городской библиотеки были изъяты отдельные их комплекты), как и о журналах «Современник», «Русское слово» («Отечественные записки» выписывал протоиерей Ф. П. Покровский, но вряд ли он давал их читать своим ученикам).

Его газетно-журнальным чтением было то, что тогда называли «малой» прессой.

6

Какую же литературу находил внимательный читатель — таганрогский гимназист — в этих газетах и журналах?

Литература юмористических и иллюстрированных еженедельников была своеобразным зеркальным отражением литературы большой прессы и «толстых» литературно-художественных журналов. В «большой» прессе популярен очерк — малая пресса печатает очерки; появляется там сценка — малая пресса мгновенно заполняется сценками; явились первые опыты «трущобного» и уголовного романа — подвалы «Московского листка», «Новостей дня», «Петербургского листка» заполняются уголовными романами.

Малая пресса завела «свои» повесть и рассказ из великосветской жизни, ее сценка приобрела особые жанровые очертания, каких она не имела в «Современнике», «Русском слове», «Библиотеке для чтения», где она начиналась; в тонких журналах появились свои собственные переводные авторы; газеты создали каноны особого газетного романа.

Малая пресса отделялась; из прямого отражения большой она стала ее отражением в уменьшающем зеркале. И как всякое уменьшенное отражение, оно резче, отчетливей обозначило основные черты оригинала.

Чехов очень хорошо был знаком с этой литературой — это видно из его вещей первых лет. Но его отношение к ней и ее излюбленному антуражу (вроде роскошных интерьеров) и мелодраматическим сюжетным ходам определилось не так уж сразу.

С одной стороны, он прямо ее пародировал, высмеивая употребляемые в современной литературе непременные «портфель из русской кожи, китайский фарфор, английское седло, револьвер, не дающий осечки» («Что чаще всего встречается в романах, повестях, и т. п.», 1880).

Однако в его повестях этого времени — «Живой товар», «Цветы запоздалые», «Зеленая коса» (все — 1882) — находим некоторое влияние ее описаний, ее сентиментального тона, ее сюжетных схем.

Малая пресса — паноптикум, или холодильник литературных форм: перестав быть живым в большой литературе, в массовой они в «заморожен-

ном» виде или как восковые копии могут сохраняться удивительно долго. Так, уже в 80-е годы в малой прессе можно было совершенно свободно встретить и романтические, и даже сентименталистские стилистические и жанровые осколки — в сочинениях, например, Е. А. Вернера, Е. О. Дубровиной, А. Н. Доганович-Кругловой, В. Н. Прохоровой, Г. А. Хрущова-Сокольникова.

В стихах и прозе местных литераторов, печатавшихся в «Азовском вестнике», Чехов-гимназист мог найти полный набор шаблонов романтической фразеологии, часто вперемежку с «гражданскими мотивами» — «дни блаженства» и «упоенье неги», «безумные мечты» и «радость битвы», «отрадный свет идеала» и «удар судьбы». Строки врезáлись в память. «Звездочка дальняя, звездочка яркая» — быть может, эта строка всплыла, когда в 1886 г. Чехов записал в альбом Саши Киселевой свое стихотворение «Милого Бабкина яркая звездочка...»? В рассказах попадались «золотые лучи заходящего солнца» — совсем как знаменитое начало романа Веры Иосифовны из «Ионыча».

Систематическим чтением этой литературы объясняется такое хорошее знакомство Чехова с ее стилистикой, ее приемами, ее словарем. Им же объясняется и то характерное для Чехова, но несколько необычное для человека 80-х годов отношение к романтическому эпигонству как к живому литературному явлению, достойному если не литературной борьбы, то пародийного осмеяния.

Был еще один источник такого отношения. Среди родственников Чехова был свой «романтик» — дядя Митрофан Егорович, поклонник А. Марлинского и большой любитель фраз с упоминанием «язв души», «трепещущих персей» и т. п. Впрочем, высокий стиль любил и Павел Егорович: «Все слилось в одно торжество. Небо и земля приникли к зрению грядущего царя, повелителя народов. О, великое свершилось событие в мире!» Как и полагается, возвышенный стиль соседствовал с сентиментальной фразеологией: «Добрый и чувствительный мой сынок Антоша!»

Пародирование этого стиля находим в первом известном нам печатном произведении Чехова. Но пародирование романтической фразеологии в «Письме к ученому соседу» периферийно. Острие насмешки направлено на нелепое употребление «ученых» слов и оборотов. «Потому что сердечно уважаю тех людей, знаменитое имя и звание которых, увенчанное ореолом популярной славы, лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами, гремит как гром и молния по всем частям вселенного мира сего видимого и невидимого, т. е. подлунного». С этим учено-выспренним стилем Чехов был тоже знаком с детства. Так писал его дед, Егор Михайлович: «Не имею времени <...> через сию мертвую бумагу продолжать свою беседу». Павел Егорович тоже любил выразиться не только возвышенно, но и не без книжной витиеватости: «Дай бог вам и в Москве также восхищаться всеми предметами, достойными удивления». Этот стиль был в ходу у конторщиков, телеграфистов, па-

рикмахеров. Его любили пародировать братья Чеховы: «Царица души моей, дифтерит помышлений моих, карбункул сердца моего...» (Н. П. Чехов — Л. А. Камбуровой, 23 сентября 1880 г.).

На этой стилистической почве вырос своеобразный чеховский герой — ведущий свою родословную еще от гоголевского кузнеца Вакулы, который, желая показать, что он «знал и сам грамотный язык», выражается так: «Многие домы исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!» Побывавший в городе герой Некрасова «Каких-то слов особенных Наслушался: атечество, Москва первопрестольная < ... > , Я — русский мужичок...» (В одном из писем Павел Егорович Чехов напишет: «... и в этот же день приехать в первопрестольную столицу русского царства».)

Образчики такой речи находим у Глеба Успенского: «Я, нижеподписавшийся крестьянин Казанской губернии < ... > будучи в полном разорении, ибо почва и песчаные пространства, при неурожае, при всех моих силах моего многочисленного семейства, до такой нищеты дошел, не имея пять лет урожаю, весь продан за долги...» «Все это нацарапано каким-то грамотеем,— поясняет Успенский,— который выбрал, вероятно из «Сельского вестника» мудреные слова, но не смог выдержать научного изложения далее трех строк». Любопытные случаи такого употребления книжных слов часты в произведениях Н. Лейкина — хорошего знатока речи торговой и мещанской городской среды: «— Скоро он встанет?» — спросил Стукин.— «Как термин настоящий для них наступит, так и встанут». К. Леонтьев (в статье 1861 г.) приводил слова сына одного кучера: «Через это я даже могу получить некоторый президент таланту». Любила обыгрывать эту манеру юмористическая пресса: «Вы есть ужаснеющая критика моей к Вам чувствительности, насмешка моего сердца... Любовь моя не принесет Вам никакой морали...» («Стрекоза», 1878, № 31). «Не в силах я утверждать рассмотрение относительно образцов будущего времени в вопросительном смысле» («Стрекоза», 1878, № 4). Такого рода выражения встречаем в книге С. Шацкого «Письма Шлем-Шлиммозеля к своей возлюбленной Акулине Ивановне» — книге, вышедшей в 1883 г. и тогда же внимательно читанной Чеховым.

Но подобные языковые образования Чехов с детства слышал и в живой речи — в лавке, в таганрогском саду, клубе. Он сызмальства был погружен в стихию полукультурной мещанской речи, застрявшей где-то на полдороге от просторечия к интеллигентскому языку. И не случайно в русской литературе именно Чехову суждено было наиболее выразительно запечатлеть носителя этого языка, дать наиболее обширную галерею речевых портретов любителей «ученого» слога среди лиц самых разных профессий. «Европейская цивилизация породила в женском сословии ту оппозицию, что будто бы чем больше детей у особы, тем хуже. Ложь! Баллада!» — витийствует герой рассказа «Перед свадьбой», напечатанного через полгода после «Письма к ученому соседу».

В рассказе «Умный дворник» (1883) о пользе наук рассуждает другой любитель книг, набравшийся из них ученых слов, дворник: «Не видать в вас никакой цивилизации.... Потому что нет у вашего брата настоящей точки». Ему вторит приобщившийся к просвещению водовоз: «Я в рассуждении климата недоумение имею». Очень церемонно выражается обер-кондуктор Стычкин в рассказе «Хороший конец»: «А потому я весьма желал бы сочетаться узами игуменея», «и в рассуждении счастья людей имеет свою профессию». Еще более «изысканные» обороты применяют чеховские фельдшера, мелкие чиновники, телеграфисты: «И по причине такой громадной циркуляции моей жизни» («Воры»); «все-таки я не субъект какой-нибудь и у меня в душе свой жанр есть» («Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»). Чрезвычайно витиевато говорит приказчик Початкин из повести «Три года»: «Соответственно жизни по амбиции личности». К его речи Чехов дает такой комментарий: «Свою речь он любил затемнять книжными словами, которые он понимал по-своему, да и многие обыкновенные слова употреблял он не в том значении, которые они имеют». Эту вереницу любителей мудреных словечек завершает читающий «разные замечательные книги» конторщик Епиходов из последней пьесы Чехова: «Совершенно привели меня в состояние духа»; «Наш климат не может способствовать в самый раз».

Широко в малой прессе были представлены переводные повести и романы третьестепенных немецких и французских писателей — Понсона дю Терайля, Густава Нирица, Катулла Мендеса (А. В. Амфитеатров вспоминал о неизвестном нам рассказе Чехова, пародировавшем Мендеса). «Сразу видно, что я начитался немецких романов»,— иронизировал над собой в письме 17-летний Чехов. Впрочем, переводили и Э. Золя, и В. Гюго. В «Азовском вестнике» в 1872 г. в нескольких номерах печатался перевод «Доктора Окса» Ж. Верна — некоторые мотивы этой повести и сам стиль перевода просматриваются в чеховской пародии на Жюля Верна «Летающие острова» (1882). Некоторыми чертами юмор раннего Чехова близок к гейневскому. С Гейне таганрогский гимназист тоже мог познакомиться, читая местную газету,— в ней систематически печатались переводы из немецкого поэта и подражания ему.

В юмористических журналах и местной печати Чехов прочел и первые «сценки» — жанр, занявший значительное место в его раннем творчестве. Возможно, с этого жанра и начались его литературные занятия — по воспоминаниям редактора гимназического журнала «Досуг» С. Н. Борисенко, Чехов поместил там что-то «из семинарской жизни»; другой соученик считал, что Чехову в журнале их гимназии принадлежала еще некая «Сцена с натуры», действие в которой происходило на Новом базаре, там, где была лавка Павла Егоровича. Сценки были и в рукописном журнале «Заика», который единолично выпускал 15-летний Чехов (журналы эти, увы, не сохранились).

Юмористические и иллюстрированные журналы влияли не только чисто литературно. Их воздействие было шире. Главной особенностью рисунка этих журналов было его сугубое внимание к бытовым реалиям, окруженность ими человека в любой изображенной ситуации. Все детали — даже самые мелкие — вырисовывались особенно тщательно, настолько, что, когда несколько лет спустя Чехову понадобились иллюстрации к шуточному рассказу для детей «Сапоги всмятку», он из первых же попавшихся под руку номеров «Сверчка», «Осколков», «Света и теней» 1882—1886 гг. смог вырезать и тщательно вырисованную бутылку водки Попова, и сапоги, и несколько бытовых сценок, иллюстрирующих разные эпизоды семейной жизни. Сиюминутный иллюстрированный мир юмористического журнала был одним из ранних элементов комплекса художественных впечатлений юного Чехова.

7

В числе влиятельнейших из этих художественных впечатлений был театр.

Страсть к драматическому искусству проявилась в нем рано, и все соученики помнят его уже завзятым театралом.

Для гимназистов попасть в театр было не так уж просто. Посещение его позволялось лишь в праздничные дни и то по специально испрошенному разрешению. Запрет, конечно, обходили разными способами. Если не повторять вслед за чересчур доверчивыми биографами легенд о гримировке, прицепляемых мальчишками бородах и не полагать капельдинеров и надзирателей простаками-несмышленышами, то наиболее вероятным был самый простой, о котором упоминает один из мемуаристов. Приходили за несколько часов до начала (разумеется, не в гимназическом, а партикулярном платье) и затеривались в ожидающей толпе галерочной публики — конторщиков, приказчиков, модисток, плотно забивавших все ступеньки узкой лестницы, ведущей на галерку (места наверху были ненумерованы). Помогали и знакомства — с бутафором и афишером Жоржем (Жоржетти), однокашником Яковлевым — сыном руководителя общества драматических артистов М. Ф. Яковлева, труппа которого выступала в сезоне 1877/78 гг., другим однокашником — А. Эйгорном (будущим оперным артистом А. Я. Черновым), оставившим гимназию и подвизавшимся на местной сцене в эпизодических ролях.

Театральные впечатления, как и литературные, шли по двум несливающимся руслам — в соответствии с тогдашним провинциальным репертуаром. «Интеллигентная часть публики,— писал таганрогский театральный обозреватель,— требует пьес Островского, остальным же подавай «Мазепу», «Гайдамака Гаркушу», «Материнское благословение». Антрепренеры пытались удовлетворить тех и других.

Чехов старался смотреть все. Первым спектаклем, который он видел в тринадцатилетнем возрасте, была оперетта Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена», шедшая в переделке городского антрепренера Г. Вальяно. После Чехов видел немало оперетт; множество мелодий, фраз было у него на слуху, в его ранних рассказах мы встречаем цитаты из оперетт «Все мы жаждем любви» (переделка с французского М. Федорова и В. Крылова), «Парижская жизнь», «Птички певчие» («Перикола») Ж. Оффенбаха.

Шло много водевилей, шуток. Наряду с переводными комедиями и переделками, бездарными водевилями И. Кондратьева, В. Крылова, И. Ознобишина ставились замечательные образцы этого жанра — водевили Д. Ленского, Ф. Кони, П. Каратыгина. Автор «Медведя» и «Предложения», давший новую жизнь угасшему жанру, первоначальную школу водевиля прошел в Таганроге.

Названия пьес запоминались прочно. Многие из них стали заглавиями ранних чеховских рассказов: «Ворона в павлиньих перьях» (водевиль Н. Крестовского; так же звучало журнальное название рассказа Чехова «Ворона»), «Месть женщины» (В. Сарду), «Перед свадьбой» (оперетта Ж. Оффенбаха), «Рыцарь без страха и упрека» (пер. с французского В. Курочкина), «Ревнивый муж и храбрый любовник» (пер. с французского Кузнимина).

Водевили, шутки, пьесы, шедшие в Таганроге, будут позже играть чеховские герои: «Жилец с тромбоном» и «Она его ждет» — в рассказе «Лишние люди» (1886, газетный вариант), «Скандал в благородном семействе» — в «Страдальцах» (1886). Провинциальный антрепренер Кукин в «Душечке» ставит оперетты «Фауст наизнанку» и «Орфей в аду».

В таганрогском театре, как и в провинции вообще, большое место в репертуаре занимали пьесы модных и плодовитых драматургов 70-х годов: В. Крылова, В. Дьяченко, И. Чернышева. Это были сочинения невысокого художественного уровня. Но в них, как это часто бывает в литературе, обнаженнее, грубее проявлялись некоторые новые тенденции современной драматургии — стремление к изображению повседневного быта и среднего героя, элементы новой композиции — построение драмы как слабо связанных между собою сцен. Чехов был внимательным зрителем.

Но в репертуаре таганрогского театра значительное место занимала русская и мировая классика — Шекспир, Шиллер, Грибоедов, Гоголь, Лермонтов, Сухово-Кобылин, Островский (что-то из классики Чехов видел в Москве, когда был там гимназистом шестого класса на пасхальных каникулах). Насколько рано Чехов был хорошо знаком с театральной классикой, показывает его первая большая пьеса — «Безотцовщина» («Платонов»), которую он начал писать, видимо, еще в Таганроге и закончил в первые два года пребывания в Москве. Если в своих прозаических опытах Чехов начинал с жанров «малой» литературы и в его сознании классика и эта литература никак не соприкасались, то в драматургии

он обратился к классическому жанру многоактной драмы, насыщенной реминисценциями из «Гамлета» и «Грозы», Тургенева и Лескова.

Гимназист Чехов был вхож за кулисы таганрогского театра. Здесь он завязал первые театральные знакомства: с Н. Н. Соловцовым, которому потом он посвятит «Медведя» (1888) и о котором напишет заметку в «Новое время» (1889), с М. Ф. Яковлевым. Именно здесь Чехов познакомился с типами провинциальных актеров, изображенных во многих его рассказах — таких, как «Барон» (1882), «Комик» (1884), рассказах 1885 г. «Бумажник», «Калхас», «После бенефиса», «Сапоги», «Средство от запоя».

8

Павел Егорович Чехов разорился, ему угрожала долговая яма (указ об отмене личного задержания неисправных должников выйдет спустя три года, в 1879 г.), он вынужден был (в апреле 1876 г.) бежать в Москву. Позже к нему выехали остальные члены семьи (Александр и Николай уехали еще раньше — учиться).

Для Антона Чехова начались годы самостоятельной и, несмотря на постигшую бедность, свободной жизни. Бедность, впрочем, была относительной — продовольствие в тогдашнем Таганроге было исключительной дешевизны. (До́роги были извозчики — дороже, чем в Москве и Петербурге. Но к бюджету Чехова-гимназиста это отношения не имело.) Плохо было с одеждой, обувью, не хватало денег на книги. Но зато была свобода, не обуздываемая ежедневно и ежечасно властной рукою отца. Павел Егорович беспокоился: не пойдет ли эта свобода во вред. «Мы боимся за тебя,— писал он сыну 12 января 1878 г.,— как бы ты в отсутствии нашем не испортил своей нравственности, за тобою некому следить, как ты живешь, и своя воля может молодого человека спортить». Тревожился он напрасно.

Это были годы лишений, твердости, мужества и — одиночества. Все решалось наедине с собою, сомнения и колебания не выплескивались ни перед кем. Это стало фундаментом характера. Никто никогда не узнал, почему был выбран медицинский факультет (если не считать главной причиной советы Евгении Яковлевны и Павла Егоровича, что «медицинский факультет практичный» и что это «самое лучшее занятие»). Не сохранилось никаких высказываний Чехова и об обстоятельствах решения оставить медицину (рассказы о «холодном рукопожатии покойницы» не в счет) — решения, давшегося, надо думать, не вдруг и не просто. Точно так же, когда он станет уже известным писателем и ему будет тридцать лет, никто из близких не узнает, как и когда он принял третье важнейшее решение, изменившее его мировосприятие и стоившее ему здоровья — ехать на Сахалин,— и сложится легенда, что путешествие было задумано «совершенно случайно», «как-то вдруг, неожиданно»

(М. П. Чехов), под влиянием случайного знакомства с лекциями брата по уголовному праву и тюрьмоведению.

В Таганроге Антон распродавал оставшиеся вещи, отсылая деньги в Москву. Родители торопили, давали советы, Павел Егорович подробно объяснял, как взыскивать мелкие долги.

«Капусту должен не старик, а сын Иван Иванович, с него надо получать, Ростенко-старик должен, но это есть бесконечная путаница. Получи с Ростенка сына, который в банке служит <...>, он сам брал и знает за собою долг, а к отцу не ходи».

«Кровать продай Машенькину, а что за нее просить, мы и сами не знаем, как тебе бог поможет, так и продай».

«Вещи продавай только ненужные и лишние, потому что опустошим дом, а потом трудно будет наживать, что было».

«Ждали мы от тебя, не пришлешь ли денег <...> завтра 26-го где хочешь бери...»

Вещи покупали плохо или давали за них гроши. Антон нашел урок. Потом пришлось взять еще один, а затем и третий. Павел Егорович очень это одобрял: «Для меня приятно, что ты еще третий урок нашел. Старайся, сынок, умей добывать деньги да с умом их расход вести».

Трудности не делали Антона мрачным — он острит в письмах к братьям, в посылку вкладывает дверную петлю и бублик, шутит в письмах к родителям, которых это иногда обижает. «Мы от тебя получили 2 письма, наполнены шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло».

Энергия в нем кипела, его хватало и на учебу, и на театр, и на дела по ликвидации «гнезда», и на литературные занятия, на посещение библиотеки и городского сада.

Городской сад был популярен даже зимой — там устраивали каток, Антон был среди любителей катания. Но летом сад в жизни молодого поколения занимал совершенно особое место. Там играл превосходный оркестр, в ротонде можно было посидеть за столиками, где подавали свежее пиво и огромных раков. Там можно было увидеть всех. «Большая аллея,— описывал сад местный литератор А. Гущин,— наполнена чистокровными фараонами, круг — так называемою «интеллигенциею»... Толпа непроходимая и разношерстная. Смесь запахов духов, семечек, ваксы, дегтя, сивухи и проч. Картузы, фуражки, косынки, изредка шляпы и шляпки. Легкая пыль, мелькающие лица, отрывки фраз. Остроты, каламбуры — часто свобода слова и обращения».

Была «гимназическая» аллея, она же «аллея вздохов». Здесь завязывались все гимназические романы, здесь постоянно бывал Чехов — он состоял в свите красавицы Черец. Женская красота начала волновать его рано; о его романах мы знаем очень мало, но по некоторым косвенным данным можно полагать, что среди его первых увлечений была гречанка. Позже Чехов рассказывал, что романы его всегда были жизнерадостны.

В мыслях о будущем таганрогский гимназист примеривал опыт старших братьев, уже студентов — университета (Александр) и Школы живописи, ваяния и зодчества (Николай), обсуждал с ними вопросы профессии, цели жизни. Судя по одному из ответных писем Николая, взгляды кончающего гимназию Чехова сильно отдавали практицизмом. «Я очень хорошо знаю, что ты смотришь на живопись какими-то странными глазами, как и большинство, это для меня тем чувствительней, что ты человек с претензией на образование, но я оправдываю тебя уже на том основании, что этот странный взгляд родился и поддерживается отсутствием понимания искусства, незнанием цели, к которой стремится человек, изучающий его <...> Ты был неправ, думая, что я поступаю в университет ради того, чтобы найти себе дорогу, могущую меня обеспечить, и неправ потому, что заниматься науками я хотел, занимался (впрочем, еле-еле) и хочу впредь заниматься для живописи, ибо мне сильно хочется быть образованным художником, а какой бы я мог быть доктор медицины?» (1879 г., май).

Свои предпоследние и последние гимназические каникулы Чехов проводил в городе, у моря и на хуторе у отца своего ученика Пети Кравцова. Впредь у моря и в степи он будет уже гостем.

Основы мировосприятия человека закладываются в детстве. И справедливее всего это по отношению к писателю. Человек взрослеет. Приобретаются разнообразные сведения о мире, расширяется социальный опыт. Но ощущение мира как определенного предметно-географического и антрополого-биологического феномена строится в юные годы и в главных чертах не меняется.

Детство в российском захолустье, волею судеб постоянно ощущавшем воздух иной жизни, детство в сонной провинции, пронизываемой токами европейской энергии, детство между душной лавкою и морем, коридорами гимназии и бесконечною степью, чиновно-казенным укладом и бытом вольных хуторян, жизнь, которая так явственно показывала значение того природно-вещного окружения, в которое погружен человек,— все это готовило и обещало необычное художественное восприятие мира.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр ЧУДАКОВ

ЧЕХОВ В ТАГАНРОГЕ

Редактор Ю. И. Осипов

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 15.12.86. Подписано к печати 09.02.87. А 00324.
Формат 70×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,15. Усл. кр.-отт 2,28. Тираж 80000 экз.
Изд. № 645. Заказ № 4224. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24

Цена 20 коп. Индекс 70668

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

- Участвуя в лотерее «Спортлото», вы вносите свой вклад в развитие физкультуры и спорта. Сотни спортивных сооружений в больших и малых городах страны построены с участием доходов этой спортивно-числовой лотереи.
- Тиражи «Спортлото» проводятся еженедельно.
- Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.
- Каждый билет участвует в тираже двумя игровыми вариантами. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех зачеркнутых номеров в одном из вариантов.

Желаем удачи!

Главное управление спортивных лотерей Госкомспорта СССР.